Искры и зеркала

Автор:
Дорофея Ларичева

Искры и зеркала

Дорофея Ларичева

Пилигримы #1

Мир будущего – суперспособности людей и связанные с ними суперопасности… Клонирование тел и переселение душ… Мгновенные перемещения не только в пространстве, но и во времени… Все это – на страницах новой книги «Искры и зеркала». Но не только это. Ведь средневековые пилигримы, чье имя позаимствовали герои новой серии, – это не просто путешественники, это паломники: странники, идущие по опасному пути к священной цели.

Героиня книги Дорофея, задумавшая путешествие в чужой мир и жизнь в чужом теле как бегство от своих проблем, девочка-тинейджер из будущего оказывается в ситуациях, знакомыхлюбому современному подростку. Когда нужно понять, кто друг, а кто враг, и сделать нелегкий выбор: остаться жертвой обстоятельств, пешкой в чужой игре или бороться и искать выход из, казалось бы, безнадежной ситуации. Дорофея, путешествующая между мирами, взрослеет и меняется, и кто знает, может быть, именно ей суждено изменить и сами эти миры – изменить к лучшему…

Дорофея Ларичева

Искры и зеркала

Все события, имена и места в данной книге порождены исключительно вдохновением автора, которое, как известно, явление непрограммируемое и

непредсказуемое.

Эти странные события начались даже раньше, чем Дора постучалась в дверь дома Ивановых и просто сказала ошалевшим Машиным родителям: «Привет. Я буду жить с вами». И даже раньше, чем Машины родители узнали про мигрантов. Все закрутилось в апреле 2099 года далеко-далеко отсюда.

Возможное будущее. Земля. 2099 год. Российско-Китайско-Индийский Союз (РКИС)

Дорофея выбрала нестандартное место для разговора – Тучепад – самую «высокую» точку местного виртуального пространства. Здесь природные горы и рукотворные – небоскребы – сливались, перетекали формами друг в друга, искрились на солнце острыми сколами и стеклянными гранями-окнами. На горах под самыми невообразимыми углами произрастали деревья и кустарники, мало походившие на земных сородичей. Серая с голубым отливом порода под ногами была шершавой, горячей настолько, что жар чувствовался даже сквозь толстые подошвы ботинок.

Дорофея всегда думала, что люди, сконструировавшие этот уголок пространства, работали под кайфом. Но вышло реально здорово. С двух огромных высоток густой клубящейся пеной стекал дым, образуя внизу озеро. Оно никогда не переполнялось, не выплескивалось на улицы. Но людей к себе не подпускало. Сейчас, стоя на вершине левой башни-горы, девушка могла любоваться, как населяющие синий небосвод облачные звери один за другим спускаются на соседнюю, правую «гору» и с решимостью отчаявшихся

самоубийц кидаются в поток – шипящий, бурлящий, потрескивающий, точно жидкий азот. Даже до Дорофеи долетали брызги, слегка обжигавшие кожу.

За озером кипела жизнь: двигались машины, летали тяжелые транспортные платформы, суетились люди. Хотя людьми жителей макросети назвать было трудно. Какое чудесное место – сразу видны все комплексы, проблемы, затаенные и явные обиды. Дора успела убедиться по нескольким своим знакомым и даже родителям – то, что так тщательно скрывают, то, чего боятся в реале, бурно расцветает в зыбком пространстве макросети, порой оборачиваясь кошмаром как для самого выдумщика, так и для тех, кто имел несчастье с ним общаться. Как вирусная зараза – проще выжечь, чем лечить. Проще. Но кто отловит и вылечит?

Свой нынешний внешний вид девушка разрабатывала целых два дня и сейчас выглядела как невысокая пухленькая девчоночка лет семи. Темные волосы завивались в крупные кольца. На джинсовой кофточке трепетали длинные кисточки из ниток. Всем понятно – обманка. До четырнадцати (а чаще всего до шестнадцати) процессор за ухо не вшивают и чип с расширителем памяти в мозг не вживляют. Но с первого взгляда не поймешь – кто под маской. Удобно.

– Ты решилась на путешествие?

Глубокий баритон прозвучал за спиной, заставив вжать голову в плечи. Опять пугает, подкрадывается. Знать бы, кто скрывается под аватаркой серьезного дядьки.

Дорофея не обернулась, пусть сам покажется.

– Надоели вентиляции легких каждые полгода, – вместо этого нагло ответила она. Голос, в отличие от внешности, девушка оставила прежним – соответствующим реальному возрасту. Бета должен был ее как-то узнать при личной встрече.

– Тухлый аргумент. – Усатый молодец вышел вперед, коротко кивнул и уставился на Тучепад светлыми хитрющими глазенками, сводящими на нет все усилия по достижению солидности. – Не потому ты добивалась признания дееспособности и независимости от предков на два года раньше срока.

– Верно. Сбегу даже без их благословения.

– Тогда в чем разница? – Бета слегка повернул голову, разглядывая кроху. По сравнению с ней он казался высоченным: плечи широкие, надежные, фигура явно с борца какого-то срисована. Только неужели нельзя было одеться попроще – обойтись без камзола, ботфортов и треуголки?

– Когда родители вернутся, хочу, чтобы они знали: решение принято осознанно. И еще, Бета…

– Да?

– Мне нужен лучший проводник, – решилась она. – Я гибну в большой помойке РКИСа и не желаю оказаться в еще худшем месте.

– Значит, простой ретросдвиг не поможет, – покачал головой мужчина. – Подождала бы годик. Как раз исследования завершились бы…

– Бета!

– Молчу. Ладно, с прейскурантом ты знакома. Пора встретиться, Дора. Не боишься мигрировать?

– Не меняю однажды принятых решений.

Она подошла к самому краю горы-небоскреба, чтобы проводить взглядом облачного сфинкса, очень даже реалистичного. Тот взмахнул хвостом, улыбнулся, продемонстрировав длинные клыки на человеческом лице, и проскользнул мимо беседовавшей парочки, чтобы кануть в озеро и раствориться в общей клубящейся могиле облаков.

– Я дам ориентиры. Ты же с русской территории РКИСа? – Дорофея обернулась к собеседнику.

– Конечно. Плати, и обретешь желаемое, и даже больше. Тебя не убьют в первые полминуты по прибытии. Наоборот, примут и поймут. Быть может.

– Бета, мы месяц обсуждаем мою миграцию! – разозлилась девушка, всматриваясь в насмешливое лицо мужчины.

Интересно, что в его аватарке соответствует реальному Бете? В сети считается хорошим тоном оставлять неизменной хотя бы одну деталь внешности, чтобы при встрече в реале было за что зацепиться. У Доры особой приметой был голос…

– Назови имя и возраст, а лучше скинь ссылку на страницу с личными параметрами. Мне нужно вычислить точку входа-выхода, – слишком быстро сдался Бета. Дорофея готовилась к затяжной беседе.

– Знаешь, лучше дай координаты… – начала она, но Бета обнял ее за плечи и ласково прошептал на ушко:

– Я же знаю, ты не всерьез. И хобби твое изучил внимательно. Очередную инсталляцию готовишь? Славы захотела, да, Мария Иванова?

Дора дернулась, но рука наклонившегося Беты захлестнула ее горло, и ответом на его слова был хрип. Больно же, что он себе позволяет!

– У меня к тебе предложение. – Мужчина чуть ослабил хватку. – Ты хотела собрать информацию, да? Целый год беседовала с людьми, толкалась на форумах, излазила Сеть. Я знаю: ты творческая особа, прозябать на социальной должности не желаешь. Я обеспечу тебя славой и материалом для десятка инсталляций, возможно, шепну пару слов важным людям. В обмен на помощь мне. Идет?

– А иначе? – готовясь в любой момент возвратиться в реал, поинтересовалась Дорофея.

– Моими стараниями в Сеть ты больше не выйдешь. Станешь ходить с персональником, точно малолетка или нестабильная. Жить так сможешь?

Не сможет. Дора знала. Раз тема мигрантов увлекла ее не на шутку можно помочь человеку считающемуся среди будущих беглецов кем-то вроде пророка. Она не раз представляла, как шагает в неизвестность. Тем более если не

навсегда, а, скажем, на год…

– Чего ты хочешь?

– Рекламы. – Бета выпустил ее как ни в чем не бывало, встал рядом, сцепил руки за спиной и уставился на копошащийся внизу виртуальный город. – Как ты знаешь, после взлома моей личной странички мы открываем новую услугу. Не миграцию, а туризм. Контракт на три стандартных года. Я нашел мир, технически готовый принять путешественников, и остро нуждаюсь в добровольце, который там побывает, а по возвращении подробно опишет и представит в красках пережитое.

– Чем я лучше других? – насторожилась Дора. – Я еще малолетка.

– Неважно. – Бета скосил на нее глаза. – Ты способная. И любознательная. Мне требуется именно такая. Ты сама хотела приключений, так?

Все он знает, этот специалист по миграции. Досье на нее собрал, она не сомневалась. И найдет, как надавить, чтобы не передумала. Смотрит многозначительно, словно знает о ней абсолютно все.

– Каким будет мое тело при пробуждении из криогенного сна? Дряблым и больным, нуждающимся в полугодовой реабилитации? – спохватилась она. – Я не соглашусь стать уродкой, у которой в первую неделю выпадут волосы и ресницы, а кости начнут скрипеть при каждом движении!

– Не строй из себя дурочку. Криоген уже три года не применяют. Искусственная кома, при пробуждении четыре дня на реабилитацию. И вперед – подключайся к макросети, твори. Путешествие обеспечит тебя массой сюжетов. Семь инсталляций за мой счет, выгодное назначение в Центр трансформации реальности и приличный гонорар. Хватит на квартиру в зеленой зоне и личный транспорт. Согласна?

Дорофея даже в макросети не смогла сдержать эмоций. Горло перехватило от одного названия: Центр трансформации реальности! Это же сердце макросети РКИСа, а то и всего Восточного полушария! Неужели она…

Ровно через полчаса Иванова очнулась у окна, привычным жестом тронула клипсу на мочке правого уха и уставилась на колышущийся где-то внизу город. Первые эмоции схлынули мутным паводком, оставив мусор мыслей, удивление, страх неведомого.

Что теперь? Собирать вещи не нужно. Завершать дела? Какие? У нее их нет. Разве что поставить дополнительную защиту на боевой остров в макросети. Но кто в здравом уме на него сунется, рискнет сохранностью чипа?

Сдать ценное имущество на хранение? Дора обвела взглядом бело-розовые стены квартиры-ячейки. Узкая кровать возле встроенного в стену гардероба, стол и стул, засохший трупик фикуса на подоконнике, пара Борькиных акварелей на стене – вот и все ее богатство. Родительская комната уже год заперта на ключ, ценные вещи отправились на орбитальную станцию.

А ведь она сама могла сейчас смотреть на Землю в иллюминатор, заниматься биопоселениями, как родители. Не захотела и ни секунды не жалела о решении. Отравленный воздух родины приятней затхлой искусственной атмосферы, искусственной гравитации, синтетической пищи, одних и тех же лиц изо дня в день. Значит, остается ждать, общаться в Сети с другими безумцами, решившимися на миграцию. Она самостоятельная, смелая. Значит, справится.

Доре не было семнадцати, а она уже распоряжалась имуществом, счетами, с четырнадцати лет была подключена к макросети напрямую, тогда как большинство ее сверстников только начинали осваивать возможности процессоров-имплантантов. Именно поэтому Доре в числе первых выдали школьный аттестат, закачали итоговый минимум знаний и отправили в руки Комиссии по труду.

Решение Комиссии стало неприятным сюрпризом. Провести год на занюханном заводике на окраине: половину двенадцатичасового рабочего дня контролировать работу своего участка сборочной линии, а другую половину проверять качество сборки всяких разных механизмов. И только потом получить повторный шанс на пересмотр ее дела. Для нее, гражданки второго ранга класса В, слишком унизительно! Того же Борьку, ее безответную любовь на протяжении всей школы, отправили стажироваться в трейдинговую компанию, а он рангом ниже!

Конечно, девушка трезво оценивала свои шансы отыскать занятие по душе. Таких, как она, миллионы – молодых, дерзких, нахватавшихся в сети крупиц знаний от всех наук, не имеющих средств на глубокую специализацию. Дорофея не была ни гением-самородком, ни удачливой шарлатанкой. Но свято верила: ей бы стартовый капитал и тогда…

Увы, даже участие в создании двух крупных инсталляций не позволило ей заинтересовать серьезные компании или привлечь инвестора для начала своего дела. Она не отчаялась, засучила рукава. Деньги Дора собирала весь предыдущий год, работая сутками и в Сети, и в реале. Сортировщица на конвейере, продавщица, потом рекламный агент, параллельно с этим программист и конструктор реальностей, порой хакер…

Она поставила на это все, что имела, почти накопила на свой проект, пусть слабенький, убогонький, но свой. Но от комиссии по труду пришел приказ – пройти внеочередную, а, значит, платную вентиляцию, и брешь в бюджете стала фатальной для планов.

Нановентиляция легких. Что может быть противнее? Представьте, что сотни и тысячи нанороботов забираются к вам в кровь, чистят клетки, отскребают с легких скопившуюся там грязь. Думаете, безболезненно? Размечтались.

В последние месяцы мысли о миграции посещали Дорофею все чаще и настойчивее. Она была готова бежать неведомо куда, рисковать жизнью, лишь бы не видеть распростертого внизу города, в котором она значит меньше, чем автомобильный выхлоп. Как назло, рядом нет родителей или друзей, которым можно было пожаловаться, попросить защиты. Только приятели по макросети. И еще Бета – Дорина надежда и искушение. Да, она согласилась на «временную миграцию», как гласил составленный Бетой контракт. Она ничего не подписывала, пробу биоматериала не высылала и даже не ставила ментальной печати на первоначальное соглашение. Никакой суд мира не обяжет ее выполнять обещанное, если она сама не пожелает. Хотя, кого она обманывает, все уже решено.

Пальцы коснулись кнопки встроенного в стену терминала, включая камеру, пробуждая черное панно экрана. Дорофея вымученно улыбнулась своему изображению и тихо сказала:

– Привет, мама и папа. Я мигрирую. Не навсегда, не думайте. Через три года я заработаю уйму денег и вернусь! Но не надейтесь, что тогда выберу космос.

Она перевела дух. Наконец-то сказала. Пусть больше не пытаются ею манипулировать, не шантажируют, не отсылают сообщения в школу, убеждая ее разделить свою судьбу. С тех пор как их семейный юрист погиб во время демонстрации противников РКИСа, не было силы, способной заставить девушку передумать.

– Я посвящу свою жизнь макросети. Через несколько дней я отправлюсь в другой мир за новыми впечатлениями, приличным заработком, свободой. Как-то так. До свидания. Ваша Дора.

Слов больше не было. К чему? Все было сказано два года назад, когда она воспротивилась улететь с родителями, испробовала все аргументы, пока не нашла самый действенный – досрочное освобождение из-под опеки. И осталась на твердой земле. Чтобы теперь впутаться в гораздо более безумную авантюру, чем орбитальные поселения. В миграцию!

Но обо всем по порядку.

В последние семь лет на Земле вспыхнул бум миграции. А началось все с того, что после Второй информационной войны, когда была изобретена макросеть, некто, известный как «Харон с берегов Стикса», выложил в макро… нет, тогда еще просто в Интернет подробную схему устройства ретросдвига.

Представьте, что вы прожили свою жизнь от рождения до возраста X, взрослели, развивались, а потом вошли в кабину, оставили свое бренное тело замороженным в этом мире, а душой отправились в параллельный, где тоже есть некто очень похожий на вас. Отправились и вселились в двойника в юном возрасте.

Вы перенеслись в собственное альтернативное детство, сохранив память и сознание взрослого человека, но вот незадача – вынуждены вести себя как ребенок, иначе… Тут две причины, мешающие вам развернуться в полную силу.

Первая – будущего мигранта предупреждают: «Возомнишь себя Наполеоном или Эйнштейном – узнаем, отключим криокамеру, а с гибелью родного тела погибнешь сам». На форумах к подобным страшилкам будущие мигранты относились скептически, но полностью не отрицали.

Вторая причина – аборигены. Нет смысла их смущать познаниями в науке и технике (а отправляют, как правило, в менее развитые миры). Местные власти тоже не дураки и о многом если не знают, то догадываются. Вы, такой умненький, попадаете в рабство, из вас выкачивают всю информацию и убивают. Либо просто убивают – охоту на ведьм еще никто не отменял.

В мире Дорофеи ретросдвиг не раз пытались запретить, в основном по инициативе религиозных деятелей. Но разве что утаишь при всеобщей информатизации? Устройства по перемещению появились в нескольких странах, в числе которых оказался и РКИС, появились подпольные центры миграции. Порой люди мигрировали целыми семьями, но не настолько массово, чтобы правительства принялись за репрессии. Со временем, благодаря умелой контр пропаганде, волна любопытствующих сошла на нет, и в собственное прошлое стали сбегать единицы.

Правительство продолжало делать вид, что оно ни при чем. Президент, тщательно выговаривая фразы по-русски, доходчиво объяснял, какое наказание ждет «предателей отечества». На деле власть контролировала все перемещения, самостоятельно решая, кто достоин тихой жизни в ином мире, а кого следует выдернуть из него или уничтожить.

Но Дорофею эти заморочки не интересовали. Она договорилась с Бетой и, как ни странно, даже ощутила облегчение. Ее ждет не стандартный ретросдвиг, а нечто иное, пока опробованное всего лишь несколько раз. Осознание своей исключительности пугало и быстрее гнало по жилам кровь, тонизировало сильнее любого энергетика.

Через несколько дней после памятного разговора Дора запирала квартиру-ячейку с противоречивым чувством в сердце. В течение трех лет она сюда не вернется. Радует, что репутация Беты непогрешима среди будущих мигрантов. Ее ждет приключение и солидная сумма на счет. Сумма, способная изменить ее будущее!

Интересно, выживет ли она там, куда ее отправят, с таким богатым жизненным опытом? Главное, захочет ли снова увидеть закопченное небо родного мира? Она не заглядывала так далеко.

Бета прислал за ней машину. Транспорт выглядел как обычное такси. Только водитель, сверкнув черными очками, коротко поинтересовался:

– Иванова Мария, в Сети Дорофея?

– Да.

– На заднее сиденье.

Стекла потемнели, становясь непроницаемыми. За спиной водителя опустились жалюзи, закрывая пассажирке обзор впереди. Дору окружила вязкая темнота, рассеиваемая единственной зеленоватой лампочкой, чей мелкий кругляш напоминал заплесневевшую луну. Пульсирующая в салоне музыка толчками била в грудь, мешая дышать. Или это запоздалый страх? Нет, сейчас Дора была готова из чистого упрямства отправиться даже не в собственное альтернативное прошлое, а превратиться в доисторического ящера или моллюска. Лишь бы закончилось свербящее в диафрагме чувство неопределенности, вопрошающее: «Что дальше?»

«Скорее бы все закончилось», – подумала Дора.

Куда ее везут? Несмотря на затонированные стекла, девушка хорошо чувствовала направление. Покинули район дешевого социального жилья, где она обитала. Свернули к центру на север от промзоны – к небоскребам, офисным центрам, гостиницам. Точно, сверху взвизгнул монорельсовый поезд, сообщая о скором отправлении…

Возвращался ли назад кто-нибудь из переживших ретросдвиг? В Сети утверждали, что возвращались, и не раз. Но связаться с ними, лично расспросить об ощущениях оказалось так же невозможно, как превратиться в облако и спрыгнуть с Тучепада.

Машина остановилась незаметно. Дорофея очнулась только тогда, когда дверца отворилась и в белом электрическом свете, точно ангел-проводник, возник мужчина. В том, что он и есть таинственный Бета, девушка не сомневалась ни секунды. Атлетически сложенная фигура, темный ежик волос, хитрые глаза. Только усы исчезли. Закон маскировки наоборот. Впечатляет.

– Все готово для путешествия.

Даже баритон тот же – звучный, глубокий, сочный. Доре отчаянно захотелось услышать, как Бета поет. Гуру миграции помог ей выбраться из машины и, не оборачиваясь, направился к шлагбауму. Девушка нервно поежилась и огляделась. Подземная стоянка, чего и следовало ожидать. Машин много, людей нет.

Перепрыгнув вслед за Бетой через шлагбаум, она, спотыкаясь, пошла по коридору к лифту. Пол оказался ребристым, и высокие каблуки норовили зацепиться за неровности поверхности.

Лифт. Бета с явным неудовольствием удерживал дверцу до тех пор, пока незадачливая путешественница добралась до него. Спасибо, хоть промолчал. Впрочем, путь вниз оказался неожиданно долгим. Девушка подозревала – они опустились даже ниже метрополитена. Только выбравшись в очередной коридор – бетонный и мрачный, – Бета заговорил:

– К моим услугам прибегают либо смертельно больные, либо отчаявшиеся, обжегшиеся на огоньке жизни мотыльки. Либо самоубийцы с фантазией. Ты не похожа ни на тех, ни на других.

– К чему тебе мои мотивы? – разозлилась Дора. – Сам предложил…

– Я не отказываюсь от принятых обязательств. Просто любопытствую.

Он продемонстрировал ямочки в уголках улыбки и вновь повел ее по катакомбам, ускоряя шаг. Пыльные прямоугольники плафонов, металлические двери с доисторическими кодовыми замками каждые десять – пятнадцать метров пути… Как все серьезно!

После очередного поворота они вышли на узкую платформу монорельса, но не стали дожидаться транспорта, нырнули в коридорчик, который привел их на площадь.

Именно площадью можно было назвать открывшееся подземное пространство. Высокий куполообразный свод, лишенный украшений. Несколько входов и подъездов к цельным металлическим воротам, в которые пролез бы целый нефтетанкер. Где-то рядом журчала вода, но пол выглядел сухим и чистым.

– Ты ничего мне не хочешь сказать? – не оборачиваясь, вдруг спросил Бета.

Дора даже вздрогнула и воззрилась на его идеально прямую спину широкие плечи. О чем он? Решил, она струсит? Или сам пошел на попятный?

– Мы разве не все обговорили? – возмутилась девушка.

Тогда он направился не к металлической махине, коричневой со стальным блеском, а к неприметной узкой дверочке, выкрашенной под цвет бетона.

Стоило провожатому коснуться пальцами золотистого кругляша на двери, как мужчину окутало розоватое свечение. Окутало и, опознав своего, потухло. Зато дверь отъехала в сторону, впуская Бету и Дору внутрь.

В первый миг девушке показалось, что она очутилась внутри космического корабля. Причем инопланетного. А еще помещение напоминало станцию метро. Просторный длинный зал с колоннами в два ряда по центру. Зал, заставленный у стен оборудованием, дико смотрящимся в век прогрессирующей миниатюризации электроники. Шкафы с лампочками и кнопками, соединенные извилистыми трубами цистерны… И люди в веселеньких оранжевых халатах, суетящиеся у платформы, скрытой за полупрозрачной занавеской.

– Может, скажешь, где мы? – Дорофея ощутила неожиданную злость.

Что он себе позволяет, этот Бета? Не думает же он, в самом деле, что она пришла сюда на прогулку? И ведет себя не как с клиенткой, а точно со старой подружкой. В любом другом случае Дора подала бы на него иск в Потребительский комитет!

– Поздравляю. Тебе посчастливилось жить поблизости от нашего вокзала. Да, именно так мы зовем нашу станцию.

Как многозначительно он улыбается! Нет, невозможно, чтобы билет ей достался в один конец.

– Когда мой поезд? – не подала она вида.

– Как только оставишь сообщения родителям и правительству, что поступаешь так по доброй воле, хорошо обдумав последствия для себя и близких.

– Уже. – Дора протянула заготовленную флешку.

– Во как.

Бета провел ее к платформе. Работники в халатах послушно отступили. Дора не увидела ни одного знакомого лица.

«А может, я зря»… – дрогнули коленки.

– Ложись. Придется полчасика потерпеть облучение. Пей.

В ее руках оказался синий пластиковый стакан с пузырящейся прозрачной жидкостью. Поздно отступать. В нос ударил резкий запах хвои и чего-то химического. С первого глотка язык и горло защипало. Жар разлился по пищеводу, заполнил желудок. Боли не было, слабости тоже. Просто Дора почувствовала, что не может даже моргнуть.

Комната качнулась, перевернулась – это Бетины помощники уложили будущую мигрантку на платформу. Потом на Дору медленно наползло металлическое нечто. Это девушку поместили в освещенный саркофаг, точно мумию.

Откуда-то из неимоверного далека раздался знакомый звучный баритон.

– Онемение скоро пройдет. Мы готовим тебя к коме. Заодно пробиваем путь в мир, где твоему сознанию будет максимально комфортно. Когда сможешь двигаться, подай сигнал. Я услышу и увижу.

– Мм… – ответила Дора.

– Не напрягайся. Я пока расскажу, что тебе предстоит испытать. Поверь мне, это не больно. Я знаю, что говорю. Хм, я действительно гуру в этом вопросе. Семь лет назад я выложил в Сеть подробную инструкцию по осуществлению ретросдвига. А еще за двадцать один год до этого момента я очнулся в теле пятилетнего ребенка на окраине Праги. Тогда мне было сорок два года, девочка.

«Значит, я уже не вернусь! Ни-ког-да! – Мысль была холодной и какой-то чужой. Страх на пару с упрямством твердили на задворках души: – Скорее, не мучай. Скорее! Мама с папой не поймут. Друзья тоже. А вот Борька узнает, каково без меня…»

Далекий Борька сейчас казался плоской картонной картинкой. Но Дора цеплялась за этот образ, пытаясь хоть как-то оправдать собственное безумие.

Мечты о странствиях и свершениях, романтические грезы и чужие мысли по поводу перемещений, почерпнутые из калейдоскопа образов макросети, развеялись. Дора… Нет, Маша Иванова ощутила, что осталась одна против целой Вселенной. Вселенной, на изнанку которой она собралась пробраться.

– Твой двойник живет в мире, отстающем от нас в развитии лет на пятьдесят, а то и все сто. У них сейчас бурное освоение компьютеров. Союз еще не создан и неизвестно, появится ли вообще. Страна назначения зовется Россией. Город Барск – новый, экспериментальный, построенный в противовес иностранным научным центрам. Тебе понравится. Я сам был очарован. Вышел на этот мирок с полгода назад, урывками подглядываю. Перспективное местечко.

– А я… х-гггр-хх, – горло першило, но звуки уже складывались в слова, – я там кто?..

– Твоему двойнику шестнадцать. Ты заканчиваешь школу. Родителей зовут так же – Александра и Леонид. Они переехали в коттеджный поселок Васильки. Ты там жила в детстве.

– Рябиновая аллея… – Девушка поняла, что плачет. – Качели у крыльца…

– Именно. Язык общения русский, немного отличается от нашего. Единственное исключение – там знают, что ты прибудешь. Правительствам стран Земли-56 известно про мигрантов, хотя в официальных бумагах вас чаще называют более поэтично – пилигримами. Люди бегут из других миров, от нас ты вторая. И попадешь прямиком не в местную Машу, а в ее клон. Девочка, похожая на тебя, как зеркальное отражение, раздвоилась, – он усмехнулся, – чтобы искра твоей бродячей души заняла свободное тело. Тебе выпадает редкий шанс – побеседовать с самой собой, не боясь сойти за сумасшедшую.

– Как…

– Как мы это сделаем?

– Нет, – обреченно шмыгнув носом, поинтересовалась Дорофея. – Как они узнают…

– С месяц назад я выслал вперед пробного туриста. Он предупредил местные власти. Тебя примут и не уничтожат. Но наблюдение установят. Там всех пилигримов изучают…

Дальше Дорофея не слушала. Какая-то часть ее разума продолжала впитывать выдаваемую Бетой информацию. А другая забилась в тесном пустом саркофаге, сдерживаемая сеткой перекрещивающихся белых лучей. Забилась, отделенная от тела. То, что было по документам Марией Ивановой, сейчас выползло на платформе обратно в зал-лабораторию. И люди в оранжевых халатах столпились вокруг, готовя очередную жертву прогресса к консервации.

Люк саркофага с шипением закрылся, лучи померкли, чтобы вспыхнуть с обжигающей силой и вытолкнуть странницу по Вселенным в предназначенный ей мир.

Альтернативная Земля. 13 июня 2036 года. Россия. Маша. Дорофея

Говорят, с переездом сравнится только стихийное бедствие. В семье Ивановых дело обстояло гораздо хуже. Посреди учебного года родители неожиданно сорвались с места, из благоустроенной квартиры в центре города перебрались в деревню, ничего не объясняя дочери. Маша скрежетала зубами, но терпела. Благо, школа сохранилась прежняя. Только теперь добираться до нее приходилось полтора часа в продуваемом всеми ветрами уазике вместе с малышней из деревни. Это в феврале-то, по метровым сугробам, под злодейское завывание вьюги!

Мама оставила работу в институте, отец зачастил в долгие командировки, после которых возвращался хмурым и задумчивым, шушукался с матерью. А потом и сама Александра Михайловна уезжала неведомо куда на неделю-другую. Даже никогда не интересовавшаяся делами родителей девушка навострила уши, но ничего внятного из их секретничаний не разобрала, кроме того, что нынешняя необустроенная жизнь как-то связана с ней.

– Тебе нужны свежий воздух и здоровая атмосфера, – назидательно увещевала мать, ежедневно с тревогой всматриваясь в лицо дочери, – у тебя нехватка витаминов и вообще…

Что «вообще» Маша так и не выяснила. Подозревала, что чем-то больна. Но врачи, к которым родители таскали девочку в течение двух недель, хором убеждали: «У вас на редкость здоровый ребенок», хоть и говорили о необходимости посоветоваться с каким-нибудь настоящим психологом. Помнится, Маша даже расстроилась – теперь точно от физкультуры освобождения не дадут.

Долго переживать юная Иванова не умела. Шло самое тяжелое полугодие, задумываться было некогда. Утешали обещания матери: «Это ненадолго». Насколько – ненадолго?

Оказалось, до начала июня. С наступлением лета многие школьники разъезжаются по деревням и лагерям, но Маша с замиранием сердца дожидалась нового переезда – в город. Не в тот, где она родилась и проучилась десять классов, а в далекий и непонятный пока Барск. Вещи девушка собирала с

энтузиазмом, помогала родителям паковать коробки, даже пыталась забивать фанерные ящики, пока не обломала маникюр.

Грузовик подъехал раньше назначенного срока, пришлось поторопить и без того скорые сборы. Так что утомленная Маша, едва устроившись на сиденье в кабине, провалилась в крепкий сон. Тяготы двухдневного пути ее не затронули. Зато утро новой жизни выдалось легким и приятным.

Она всегда мечтала о своей комнате. И первые десять минут после пробуждения с настороженным любопытством разглядывала личные владения. Маше досталась широкая кровать, платяной шкаф, компьютерный столик и просторный стол для занятий, на котором некрасивой горкой высились коробки с ее имуществом – одеждой, учебниками, ноутбуком.

Был даже аквариум – детская мечта Маши. Правда, пустой. Но девушка живо представила, как там поселятся золотые рыбки, или сомики, или яркие барусы, карликовые петушки…

В кресле перед окном восседал большой плюшевый медведь – почти в рост невысокой Маши. Абсолютно белый, мохнатый, с алой ленточкой на шее. К ленточке крепилась открытка с запиской: «Надеемся, тебе понравится на новом месте». И подпись: «Мама и папа». Как по-детски!

В выходившее на северо-восток окно робко заглядывало раннее-раннее утро. Это же который час? Шесть? Прямо как в школу поднялась! Тихо. Родители наверняка спят. Нет, чуткий нос уловил аромат выпечки. Но поисками кухни можно заняться позже. Сейчас важнее вид из окна.

Тюлевые шторы послушно распахнули крылья перед дверью. Створки бесшумно разошлись, выпуская Машу на балкон второго этажа. Вокруг в зелени садов лежал коттеджный поселок, а впереди иглами небоскребов из земли вырастал город Барск. Новенький, только выстроенный по совместному российско-иностранному проекту (кажется, китайскому). Маша что-то читала в Интернете перед отъездом про очередной «город будущего», альтернативный, сосредоточивший в себе новые технологии и прочее, прочее, прочее. Из всей словесной шелухи Иванова-младшая почерпнула для себя, что очень и очень круто жить в этом новострое, «возведенном по экологически безопасному проекту». Ну да, 2036 год на дворе, стыдно ютиться в панельных многоэтажках,

когда есть такое…

Налюбовавшись, как утреннее солнышко встает из-за деревьев и требовательно выискивает свое отражение в мириадах стекол бетонных махин, как с расположенного неподалеку аэродрома взлетает самолет, распахивая навстречу безоблачному небу серебряные крылья, Маша перегнулась через перила и решила изучить окрестности. Ага, каменные домики в два-три этажа, невысокие заборы, отцветающие кусты жасмина, аллеи рябиновых деревьев вдоль выложенных бетонной плиткой широких дорожек. Миленько. Жаль, снова не в центре. Но хоть не глушь, как прежде.

Поселок спал. Только вдалеке по одной из аллей шла девочка. Маша сощурилась, разглядывая ее простое шерстяное платье густо-синего цвета. Точно в таком Маша была вчера. И подол обрезан так же. Иванова-младшая вспомнила, как возмущалась некстати пришитым оборкам с беленьким глупым рисунком, как упрашивала маму отпороть это безобразие и сама вручную подшивала подол.

«Не одна я модница, надо будет маме сказать», – отчего-то злорадно подумалось девушке.

А незнакомка шла, не сворачивая, прямиком к новому дому Ивановых. Она без колебаний миновала последнюю развилку дорожки. И Маша поняла – она откуда-то знает незваную гостью. Лица еще не разглядеть, да и смотрит девочка (или девушка – лет ей вряд ли меньше, чем самой Маше) больше себе под ноги, чем наверх, словно боится оступиться.

Гостья открыла металлическую калитку в бетонном заборе так, словно всю жизнь это делала, даже не присматриваясь к шпингалету, потом также по-хозяйски закрыла ее, зайдя в палисадник. Сделала пару шагов по дорожке к двери и, подняв чайно-карие глаза, впервые встретилась взглядом с Машей. Девочка на балконе тихо охнула, ведь у незваной гостьи было ее, Машино, лицо!

Едва Маша сориентировалась, в какой стороне дома притаилась лестница вниз, мелодично пропел звонок. Содрогнувшись от нехороших предчувствий, Иванова-младшая ринулась из комнаты. Уж она-то сейчас покажет этой… Поздно, родители опередили. Металлическая входная дверь открылась. Вслед за ней распахнулась витражная дверь крыльца.

– Привет. Теперь я буду жить с вами. – Машиным голосом осчастливила родителей самозванка. Или не самозванка? Вон на лицах матери с отцом растерянность быстро сменилась спокойствием и грустью.

– Не ждали тебя так скоро, – вымолвила мать натянуто радостным голосом. – Заходи.

Как? Неужели у нее есть сестра-близнец? Точная копия Маши Ивановой уверенно переступила порог, обнадеживающе улыбнулась родителям, миновав спрятавшуюся за дверью сестрицу, бегло осмотрела прихожую и кивнула:

– Один в один как у меня дома в детстве. Только картин на стенах не хватает и вешалки стоячей. Да, – она обернулась к родителям, встряхнув остриженными до плеч светло-русыми волосами, – для простоты общения зовите меня Дорофеей. Дорой.

– Мы знаем, – ответил отец, заглядывая за дверь и выуживая из-за нее онемевшую Машу. – Нас предупредили. Теперь нужно научиться жить вместе.

– Завтракать будешь? – стремясь преодолеть неловкость, оживилась мать, беря Дору за руку. – Давай покажу твою комнату. Там переоденешься и умоешься. А потом всем нам расскажешь, почему ты здесь.

– Не вопрос. – Дора смело прошла вперед матери, сама ведя ее по закоулкам дома.

Да что же это такое? Откуда она взялась? Какое право имеет на ее жизнь, на ее родителей? Маша искала подходящие слова, но все они сухим комком застревали в горле. Как могли родители…

– Маха, держись, – шепнул отец, взъерошив дочкину прическу. – Мы не хотели этого, но раз получилось…

– Что получилось? Сестра? – выплюнула Маша, вырываясь из-под отцовской руки. – Я узнаю о ней только сейчас?

– Она не сестра, – грустно ответил отец.

– Что?

– Не сестра, говорю, – терпеливо, как с неразумной, объяснился отец. – Она пилигрим. И твой клон, раз уж на то пошло.

– Это как? – поразилась Маша, хватаясь за отцовскую руку. – С какой стати меня удостоили подобной чести?

– Позавтракаем, тогда узнаешь. – Отец в кои-то веки пожелал быть строгим.

– Бе-е-е, – протянула обиженная дочь и поднялась к себе распаковывать вещи.

Кем бы ни была пришлая Дора (что за дурацкое имя!), ей не удастся занять ее, Машино, место.

– Машунь, – позвала мать.

Что же, пора послушать сказочку про эту… Еще бы гостиную найти с первого раза.

Она спустилась вниз, стараясь не пропустить ни единой ступеньки красивой деревянной лестницы. Темные лакированные перила, украшенные резьбой в виде виноградных листьев, кованые светильники на стене… Лучше разглядывать их, чем показывать этой свой интерес.

Дора сидела за застеленным клеенкой столом (ящик со скатертью пока не распаковали), прихлебывая чай из пластикового стаканчика. Гостья исподтишка разглядывала не своих родителей, не свой дом. Все так похоже и все слишком чуждо. Она этого хотела?

Интересно, как Бета клонировал ее в другом мире? Даже на родине это проблематично, не то что здесь. Новое тело жало, точно тесные ботинки, слушалось команды с некоторой задержкой. Со стороны незаметно, но Дору бесило торможение. Ничего, освоится.

Как она вселилась в клона? Пребывавшая в шоковом состоянии после перемещения, душа не обращала внимания на подобные мелочи. Покинув

подземный «вокзал», Дорофея осознала, что сидит на пропитанной росой траве, стуча зубами от холода.

Где-то неподалеку работал двигатель, но девушка, привыкшая к гуду всяких механизмов, быстро потеряла интерес к чужой машине. Зато поселок ее заинтересовал. Пахло свежими досками (надо же, она помнила запах из детства) и краской. На часть дорожки еще не уложили плитку. В траве вдоль посыпанной песком тропинки теснились аккуратные стопки бетонных квадратиков.

Вдалеке среди молодых саженцев каштанов и лип высились остовы недостроенных коттеджей. Левее за ними угадывались старые деревянные дачи.

Сориентировалась Дора быстро, стоило только осмотреться. Пять минут ходьбы – и вот он домик «в два с половиной этажа», как любил приговаривать отец. Под этой крышей протекала ее жизнь до восьмилетия. После поселок снесли и возвели на его месте торговый центр и пару небоскребов. Тут до разрушения еще далеко – лет тридцать – сорок, не меньше. Ей в любом случае не дождаться. Она или вернется, или сбежит еще дальше.

Знать бы, как общаться с чужими людьми – ее новой семьей. С собственными родителями она давно не находила общий язык. Теперь предстоит наверстывать упущенное, налаживать контакт с «колючкой»! Дора сощурилась, разглядывая своего местного двойника. Вон спустилась по лестнице, смотрит неприветливо, вовсе не обрадовавшись факту появления своей точной копии.

Завтракали молча. Родители Марии Ивановой переглядывались, девочка сердито сопела. Обе пушистые кошки – серая и песочно-желтая – подозрительно косились на Дорофею, не принимая ее за свою.

– Во сколько лет в вашем мире наступает совершеннолетие? – не выдержав, прервала тишину мигрантка.

– Полноценное – с восемнадцати лет, – спокойно ответил отец, отставляя в сторону тарелку с недоеденным пирогом. Лицо строгое, черные глаза из-под кустистых бровей сверкают, внимательно следя за каждым ее жестом.

– Полтора года вам осталось терпеть мое присутствие, – утешила их Дора. – Потом найду себе жилье и работу.

– Давай не будем далеко загадывать.

Руки Машиного отца расслабленно лежали на столе, мужчина лениво развалился на стуле, но в Леониде Ивановом чувствовалась сила, которой никогда не было в Дорином отце.

Мать с обесцвеченными до серебристой белизны короткими волосами тоже выглядела слишком молодо. При другом освещении она вообще сойдет за девушку-подростка. Вся – сжатая пружина, готовая в любой момент ослабить сопротивление, со звоном разжаться.

А вот Машка еще не решила, как себя вести. Вертится на стуле, похоже, строит планы мести пришелице. Пусть строит. Как ни странно, здесь Дора чувствовала себя взрослей и уверенней, чем в родном мире. Точно знаменитая путешественница в окружении восторженных почитателей, она расправила плечи и продолжила прояснять для себя ситуацию.

– Мое пребывание в вашей стране сложно узаконить? Отец Маши улыбнулся и выложил на стол несколько книжечек.

– Вот.

Дора недоверчиво пододвинула к себе документы, раскрыла лежащий сверху паспорт и прочла: «Дорофея Иванова». Свидетельство о рождении тоже на ее имя.

– Но как?

– Нас предупредили, ты же знаешь.

– Да. – Девушка растерялась. С чего этим людям заботиться о ней, чужой? Она хотела продолжить расспросы, но отец опередил.

– Расскажи нам – кто ты. И почему решилась на побег.

Забавно, но сейчас она не могла понять, отчего с такой маниакальной уверенностью и решимостью согласилась уйти из родного мира. Приключения? Она могла отыскать их у себя в сети или реале. Деньги? При должном старании и умении она бы их достала, в крайнем случае, продала свои хакерские заначки. Борька? Глупость, детское увлечение, не стоит подобных жертв. Родители, с которыми за последний год она связалась всего раз, умудрившись разругаться в пух и прах? Причина ссоры глупа до безобразия. Назначение на завод? От него трудно, но возможно отказаться. Плохая экология? А где она хорошая? В Сети утверждали, есть миры с гораздо худшими жизненными показателями. Во всяком случае, на ее родине не дошло до ядерной войны.

С перемещением слетело наваждение. Теперь Доре предстояло заново убедиться в собственной правоте.

Людям вообще свойственно оправдывать совершаемые ими безумства.

– В каталоге миров ваша реальность значится как Земля-56. Меня отправил сюда человек по имени Бета – создатель машины ретросдвига.

Она, не стесняясь, поведала о наивных планах на собственную выставку, сборе информации и переговорах с Бетой, дне отправления, разделении с телом. О том, как очнулась в поселке и добралась до дома.

Машка слушала разинув рот. Родители с вежливо-скучающей миной снисходительно кивали головами, старательно изображали удивление, и Дора не сдержалась.

– Если бы не документы, решила бы, что вы мне не верите!

– Верим.

Мать встала из-за стола и принялась убирать тарелки. Одну за другой она аккуратно складывала их в картонную коробку, стоявшую за столом. Туда же салфеткой стряхнула с клеенки крошки.

Странные представления о хозяйстве. Мебель и вещи подготовили, а о посуде не позаботились. Кухня в безобразном состоянии. Торопились с переездом?

Неужели ради нее? Доре нестерпимо захотелось отыскать в словах и действиях приютивших ее людей малейшую ложь, обличить их. Не могут они быть столь идеальными, добрыми. Не могут так легко принять ее, по сути врага. Ведь Дора могла занять тело их дочери, подавить разум, умело притворяться год за годом, пользуясь Машиными памятью и навыками.

«Я ведь даже об этом не думала, отправляясь сюда!» – ужаснулась собственному открытию девушка.

– Девочка… – Отец не спешил покидать удобный стул. – Для нас происходящее действительно необычно. Но мы привыкнем. Всех пилигримов у нас исследуют, опрашивают. С твоим соотечественником мне пришлось пообщаться лично. Дело в том, что я социолог, интересуюсь устройством различных обществ, и в курсе происходящего на вашей Земле-1. Земля-0, полагаю, мир самого Беты. Подробности уточню позже, как только ты освоишься в новом теле.

– Да, Дорофея. – Мать тоже не рвалась откровенничать. – Лучше тебе подружиться с Машей. В любом случае вам вместе жить до вашего общего совершеннолетия.

Вот и весь разговор.

– По документам вы сестры, – продолжил отец. – В школу в сентябре пойдете вместе. У нас нет макросети, и Интернет ее вряд ли заменит. А еще тебе предстоит узнать, чем наша школа отличается от школ в других мирах. Так что, девочки, ступайте дружить.

Дора послушно встала и направилась к лестнице, про себя нехотя соглашаясь с их доводом. Раз Машка – ее второе я, ее зеркало, есть смысл поддерживать отношения.

Только когда за девочками хлопнула дверь на втором этаже, Леонид обратился к жене:

– Саша, почему ты ей не сказала?

– Как она появилась? Или что стало с ее предшественником? – Серые глаза женщины сердито сверкнули. – Ты видел, у ребенка шок. Как она воспримет правду?

Леонид помолчал, вертя в пальцах пустой пластиковый стаканчик, вздохнул и нехотя согласился:

– Хорошо. Но лучше она узнает это от нас до того, как за ней придут.

Он встал и направился на кухню распаковывать ящики, выгружать вещи.

– Не думаю, что лучше, – вздохнула мать.

Барск. Тот же день – 16 июня. Полдень. Ланс

Стоять за перегородкой было жарко и душно. Несмотря на новейшие материалы, попахивало паленой пластмассой и пылью. Пылью пахло сильнее, и Ланс подозревал, что угодил в паучье логово. Наверняка к нему сейчас примеряется жирный паучище, старательно изучая новоявленную подпорку для свежей сети.

От батареи за спиной шел ощутимый жар, под комбинезоном чесалось все тело. Но о том, чтобы отодвинуться или хотя бы расстегнуть защитный костюм, не стоило даже мечтать. Наблюдатель приник к узкой щели между пластиковой отделкой стен и сосредоточил все внимание на просторном зале.

На освещении здесь не экономили. По периметру комнаты под потолком крепились черные полусферы, сияющие множеством мелких желтых и зеленых лампочек. Над овальным черным столом, установленным в центре, нависала тяжелая полукруглая люстра, а обводы стола и двенадцати кресел светились

синим.

В центре столешницы бледно мерцали очертания двенадцатиконечной звезды. Сейчас свечение было слабым, но Ланс знал: в присутствии всех членов Комиссии звезда запылает, а в зале включится защита от любого прослушивания.

К счастью, Ланс неплохо изучил местную планировку и обнаружил несколько подходящих для наблюдения тайников – таких же незаметных и неудобных. Ох, как между лопатками чешется! Да что ж так парит? Понятно, что зал находится в подземной части здания и для поддержания температуры в каменных стенах требуется отопление. Но не летом в тридцатиградусную жару!

Разведать Ланс собирался ни много ни мало, а секреты Комиссии. Не ловить обрывки случайно оброненных фраз, не подкидывать в Зал Бесед диктофон и прочую звукозаписывающую технику, которая начисто выгорала с включением защиты, а услышать и узнать все лично, ибо так намного надежнее.

Предчувствия никогда его не обманывали, влекли за собой, сводили с важными людьми. Те места, где побывал обманчиво юный инспектор, охотно раскрывали ему карты, предлагая подождать, когда нужно, или мчаться прочь очертя голову. Сейчас от грядущих перемен невыносимо свербело в пятках, кололо сердце, перехватывало дыхание. Те люди, ради кого он оставил родину, добровольно став судьей и палачом, близко. Направление еще не обозначилось, но радиус поиска сузился до Барска.

Двустворчатая дверь отворилась, и в зал первым вступил Председатель – Григорий Константинович Крылов. Кощей. Такое прозвище досталось отставному генералу не только из-за сухопарой высокой фигуры, кривого носа и неприятных круглых глаз водянистого цвета. Кощей был безжалостен, и годы отнюдь не смягчили его характер. Председателю было далеко за семьдесят, он пережил многих злопыхателей и завистников. Оставлять посты и завоеванные награды Кощей не намеревался. Наоборот, подгребал под себя новые регалии, цепляясь за власть длинными морщинистыми пальцами.

Второй процокала каблучками Вероника. И Ланс почувствовал, как дрогнуло его сердце, но не от нахлынувших нежных чувств (хотя при виде рыжеволосой красавицы от мужчины следовало ожидать именно такой реакции), а от

неприязни. Веронику Ильину побаивались ничуть не меньше Кощея. Прозвище у нее тоже имелось – Шило.

Нервно сглотнув, Ланс переступил с ноги на ногу и продолжил наблюдение. Один за другим члены Комиссии занимали свои места. Вроде вполне обычные люди – ученые, политики, чиновники, каких десятки и даже сотни в городе. Но именно эти двенадцать были посвящены во все тайны Барска, управляли его судьбой. А может быть, не только его.

Ага, а вот и господин мэр – Николай Чернов! Еще молодой, обманчиво простоватый. Его прозвище среди подчиненных было самым нелицеприятным, но отлично характеризующим личность градоправителя – Обмылок. В руках не удержишь, на махинациях не поймаешь и себе выгоды не сторгуешь – выскользнет и поминай как звали.

Последним появился профессор физики местного вуза – Бронислав Виленович Соловьев, бывший супруг Вероники. Насколько знал Ланс, данного богатыря звали просто Броня – и студенты, и коллеги. И было за что. Рост под два метра, атлетическое сложение, вечно растрепанные густые черные волосы, требовательный взгляд, по-кошачьи текучие плавные движения. Ланс читал, что Броня с детства занимался восточными единоборствами и у него даже какой-то там высокий дан по карате имеется.

Едва Броня сел на противоположный от Вероники край стола, двери с хлопком закрылись, звезда вспыхнула красным, синим и зеленым, сигнализируя о включившейся защите.

– Не всем известна причина нашего собрания. – Кощей поставил локти на стол, сцепил пальцы рук в замок и обвел коллег испытывающим взглядом. – Этим утром еще одна комета упала с неба, и выращенный взрослый клон обрел душу. А мы – очередную загадку, которую обязаны разгадать (у Ланса от этих слов екнуло сердце. Ой, не зря его мучили дурные предчувствия!). Бронислав, скажите, чем необычен именно этот случай?

– С половины шестого до половины седьмого утра энергетический фон на поверхности озера подскочил на два пункта. После чего вернулся к своему минимуму, – доложил профессор Соловьев. – Фон в придонной области и сейчас повышен. На сколько – не могу сказать, был резкий скачок, и два из трех

счетчиков вышли из строя.

«Точно один из них! Интересно, кто именно?» – Ланс вовремя обуздал чувства. Не хватало выдать свое присутствие. Тогда и ему, и доку мало не покажется.

Сидевший по правую руку от Кощея Обмылок нахмурился и добавил:

– Отмечен сбой в энергоснабжении города. В тот же временной промежуток упала мощность Тесла-башен, но в целом ущерб минимален. Два года назад было гораздо жарче.

Члены комиссии понимающе переглянулись. Ланс напряг память. Что было два года назад? Вроде ничего особенного, но надо пошарить в Интернете и городском архиве, мало ли…

Кощей помолчал и, поскольку никто не пожелал взять слово, продолжил сам:

– Мы все отлично знаем об особенностях миграции, хотя сами не в состоянии повторить подобный опыт. Любой чужак, оказавшийся на территории России, попадает под наше пристальное внимание.

– Не очень-то верится. Всего-то двести тридцать человек за десять лет – не мало ли? – скептически вставил шпильку еще один профессор – на этот раз математик, моложавый невысокий толстячок по фамилии Гончаров. – По моим расчетам их должно быть раз в шесть больше.

– Не нам судить, Толик, – покачал головой Кощей. – Сейчас у нас есть местная девочка и ее клон. С ними разберитесь.

– Прикрепите их ко мне, – подала голос Инга Чащина, миниатюрная миловидная блондинка в белоснежном платьице.

Ланс задумался, вспоминая эту новую для Комиссии личность. Кажется, какая-то деятельница в области культуры. Точно! Ее по местному телевидению показывали. Народные песни-танцы возрождает, в перерывах между хороводами студентов на раскопки водит. Необычное для женщины занятие. Хотя, кто здесь обычный. Про себя Ланс тут же окрестил Ингу Снегурочкой.

Странноватая она особа. Если научится дозировать наглость и уступчивость, гармонично вольется в местный коллектив.

– И чему ты ее научишь? Играть на балалайке? – недоброжелательно хмыкнул Броня. – Пришелицу тем более такую диковинную, следует изучать. Озеро на нее реагирует значительно сильнее, чем на остальных. Кто знает, вдруг эта туристка позволит разгадать интересующую нас тайну?

– Потому предлагаешь передать ее тебе? – неприязненно нахохлился мэр. Броню он не любил, и чувства эти были взаимны.

– Не настаиваю, – не стал ввязываться в перепалку профессор. – Но уверен, ею должен заниматься человек науки. Например…

– Спасибо, дорогой, – перехватила инициативу Вероника, хотя Броня имел в виду совсем не ее. – Вы же со мной согласитесь, господин Председатель, что из всех наук здесь важнейшей является психология. Пусть у меня нет ученых степеней и званий, я найду общий язык с девочками быстрее всех вас вместе взятых. Уверена, три умные женщины между собой договорятся.

– Уточни, пожалуйста, кто третья? – фыркнул Соловьев, за что заработал укоризненный взгляд Председателя.

– Торопишься, Ника. – Кощей задумался. Комиссия терпеливо выжидала его вердикта. Перебивать Крылова не решилась даже уязвленная Инга. – Наверно, я поддержу твою кандидатуру. Девочка из будущего мне интересна. А уж выведать ее секреты ты сумеешь как никто другой, это верно. Смотри не заиграйся! – пригрозил он.

Вероника изобразила кроткую улыбку и потупила глаза, перед этим успев послать в сторону Инги взгляд, полный превосходства: смотри, мол, малявка, как я тебя и всех остальных сделала. Ланс невольно пожалел собирательницу песен. Ходить во врагах у Шила не пожелал бы сам Кощей.

– Девочкой займешься сразу по возвращении из поездки, – обратился Крылов к Веронике. – Вначале мое задание исполни. На сегодня встречу считаю завершенной. Вы все знаете, что делать с появлением очередного пилигрима. К концу месяца жду отчеты. Над нами есть более высокое начальство, и оно

желает быть в курсе. Бронислав, тебя попрошу в мой кабинет, остальные свободны.

Ланс перевел дыхание. Выбраться из убежища удастся часа через два, когда на этаже сменится охрана. А пока придется потерпеть жару, зуд и затекшие ноги-руки. Следует обдумать услышанное. Завтра он приступит к поискам таинственной мигрантки. Вдруг она та, которой давно подписан смертный приговор?..

Окрестности Барска. Коттеджный поселок Васильки. 16 июня

Забавно и страшно встречаться с собой глазами. Видеть в их чайной глубине тени несбывшихся надежд, миллионов «если бы», птицами присевших на веточку жизни, готовых в любой миг разлететься по небосводу мироздания. Лукавая усмешка судьбы, сбившиеся часы повелителя времени – и вот, на изнанке Земли-1 процветает ее копия: румяная, обласканная удачей и родительской заботой, что в этом возрасте часто одно и то же. Эта девочка домашняя, видно сразу. И самым яростным ее бунтом против родительской опеки, скорее всего, было позднее возвращение от подруг, яркий маникюр или сигарета, украдкой прикуренная на школьном дворе.

– Машка, я к тебе.

Дорофея приоткрыла дверь в комнату, застав «сестру» за подключением к компьютеру музыкального синтезатора.

– Ух ты! Играешь?

– Учусь.

Ответ прозвучал холодно. Но Дора твердо решила наладить контакт. Нарочито громко она захлопнула дверь и, подойдя к плюшевому медведю, потрогала его за лапу.

– У меня игрушек почти не было. Слишком дорого и тяжело достать. Экономия ресурсов и все такое прочее, – пожаловалась она. – Пара кукол и игровая приставка. И то, пока жила здесь до восьми лет. Когда переезжали в город, родители их не взяли. В первые два года после переезда жилплощадь была ограниченной.

– Сюда, значит, за пространством притащилась, – огрызнулась Машка. Она закончила возиться с проводами, отвернулась, склонилась над монитором.

Дора внимательно рассматривала ее джинсовые бриджи и бордовую кофточку с коротким рукавом. Сама она в подобной одежде чувствовала себя неловко. Оказалось, здесь все так примитивно! В ванной нужно крутить вентили, чтобы пошла вода. Одежда без терморегуляции, без возможности коррекции цвета и формы. Настоящая древность. Даже забавно.

– Квартира у меня была что надо. Просто жизнь так сложилась, – примирительно произнесла мигрантка.

– Сама говоришь – миров много. Почему к нам? – Машка стояла лицом к компьютеру, устанавливала программы.

Дора поймала себя на том, что пытается дозваться макросеть в поисках привычной поддержки. Когда коннект, то есть контакт не ладился, всегда можно было выяснить отношения в «личке», не при свидетелях, так сказать, подойти вплотную, взять за плечи аватару собеседника, посмотреть в глаза и высказать наболевшее. Или не высказать, но дать понять – ты, дружок, не прав. В конце концов, вызвать на поединок – игровой или боевой – без разницы. Дора участвовала и в тех и в других и не боялась.

«Как же здесь примитивно! Голый реал и никакой фантазии!» – разозлилась она на себя.

– Я не выбирала мир. Все претензии к Бете. Радуйся, что не в тебя переселилась.

– Да уж, самое время плясать. – Маша наконец обернулась и заглянула собственному двойнику в глаза. – Значит, минимум три года?

Дора кивнула, сама не до конца веря. Вспомнит ли про нее Бета? Дождется или отправится дальше исследовать миры? Но он молодой, ему нет смысла бежать, если, конечно, правительство не решится на репрессии. Три года – это вечность.

Но она, Дорофея, личность предусмотрительная. Письмо и копию контракта она сохранила на домашнем коммуникаторе и разослала на разные сервера, чтобы через неделю после ее миграции сообщения дошли до родителей и приятелей. Уж они-то напомнят Бете, она не сом невалась.

– Слушай, я просто хочу все прояснить между нами, – упорствовала Дора. – Если сдружиться пока не судьба, давай хотя бы не будем врагами.

– Это всегда пожалуйста, – проворковала Машка, приближаясь к ней и как бы невзначай отряхивая медведя в тех местах, где его касалась Дорофея. – Дверь как раз за твоей спиной.

Поговорили, называется! Местное зеркальце оказалось кривым.

– Могла бы хоть поинтересоваться, как там, в будущем, – проворчала уязвленная девушка.

– Не столь замечательно, раз ты оттуда сбежала.

– Твои родители мне посочувствовали, – не могла оставить слово за собеседницей Дора.

– Ты слышала, что мой отец социолог, – сладенько пропела Маша. – Он про тебя научную статью напишет. Исследует твое поведение в чужой обстановке, как биологи крыс исследуют. Вот откуда интерес.

– Какая ты…

Дора не договорила, выскочила из комнаты, чувствуя, как щеки заливает краска. Куда она попала? Зачем здесь?

Торопливым шагом она покинула дом, уселась на качели в садике среди молоденьких, в полтора ее роста, яблонек, вишен и разросшегося жасмина.

Качели чуть поскрипывали, но цепи, держащие сиденье, были блестящими, без единого пятнышка ржавчины, а само сиденье глянцевым, гладким, зелено-красным. Странное ощущение – вернуться в детство: минус десять лет. Нет, дом тогда был старым, качели – выцветшими, вытершимися, поцарапанными…

Какое же все знакомое и одновременно чужое! Неужели люди легко мигрируют? Бета прав: бегут от неизлечимых болезней, трений с законом, личных неурядиц. Отложенное самоубийство или безумная надежда на новую жизнь – все с чистого листа.

Усмешка судьбы – беглые души воспринимают только тела до десяти – двенадцати лет. А ее отправили в «сейчас» – в шестнадцать с половиной – клоном. Новые технологии? В макросети о них ни слова, как и о том, много ли мигрантов не сумели пересилить личность хозяина тела, безвозвратно растворились в ней, одарив смутными предчувствиями о грядущем, озарениями и новыми знаниями, пришедшими с изнанки мира…

Беглянка из будущего чувствовала ненавязчивое, невнятное внимание к своему появлению. Взгляд отовсюду и ниоткуда одновременно. Девушка даже засомневалась – вдруг там, в теле, глубоко-глубоко теплилась искорка чуждой души, мечтающей взять верх над незваной гостьей? Но она же клон – точная копия местной Маши, точная вплоть до нюансов генетического кода, не то что до рисунка на пальцах или узора сетчатки. Только душу клонировать нельзя. Даже в ее родном, гораздо более развитом мире до такого не додумались. И сейчас Доре казалось, с девочкой, поделившейся с ней генетическим материалом, ее ничего не связывает.

«Мне дали шанс быть принятой. Я могу превратиться в музейный экспонат, бактерию на стекле микроскопа, а могу доказать – я иная, достойная доверия и уважения!»

Она встала и возвратилась в дом. Александра Михайловна, так сильно напоминавшая ее родную мать, приветливо улыбнулась:

– Кушать хочешь?

– Нет, спасибо.

Дора застыла на первой ступеньке лестницы.

– Вам помочь разобрать вещи?

Женщина кивнула и поманила Дору за собой. Незваная гостья неуютно передернула плечами. Слишком внимательно смотрит на нее Александра Иванова, оценивающе, точно ожидая неприятностей.

«А чего ты хотела? Она не твоя мать. Ты и со своей-то отношения не наладила!» – одернула себя девушка, борясь с желанием сбежать, запереться в комнате, как это сделала Машка.

Но Александра Иванова прикрыла глаза, кажется, даже задержала дыхание, перестраиваясь, чтобы через минуту превратиться в домашнюю, уютную, почти родную.

– Девочка, – ее голос потеплел, – и нам, и тебе не просто. Давай попробуем сосуществовать вместе. Я ночей не спала, все боялась, что мы не успеем клон вырастить и ты займешь тело моей дочери. Поверь, тогда вас разделить было бы невероятно сложно.

Разделить? Такое осуществимо? И клон – не дело рук мудрого Беты? Как такое получается? Мучимая миллионом вопросов, Дора сделала шаг к Александре Михайловне, но та уже зашуршала оберточной бумагой, распаковывая первую коробку.

Вещи разбирали целый день. В разговоры не вдавались. Ближе к полудню к процессу подключилась Машка. Дору она игнорировала, на мать дулась, но весьма резво орудовала тряпкой, протирая новую мебель. К трем часам

управились без проблем. Когда Александра Михайловна успела приготовить суп, Дорофея так и не поняла, но зауважала хозяйку. Домашняя пища – это не пакетированный концентрат.

Обедали тоже молча. Матери позвонили, она притащила на кухню ноутбук, не отрываясь от тарелки, одной рукой в спешке набирала текст. Маха демонстративно отсела на другой конец стола, обиженная на все человечество, непонятно с какого перепуга придумавшее ретросдвиг.

Дора терпеливо выжидала, вслушивалась в уютное мурчание песочно-желтой кошки, бесцеремонно улегшейся на ее тапки, мяла в пальцах кусочек хлеба – теплый, дышащий незнакомым ароматом, только из хлебопечки. Долго не решалась попробовать его, как и горячий фасолевый суп, налитый по золотистую полосочку глубокой миски.

Устав от переживаний, девушка неожиданно по-взрослому сообразила – приютившим ее людям все равно будет интересно, потянет поговорить, выведать подробности. Тем более взрослые уже не воспринимают ее как угрозу родной дочери. Просто нужно время, чтобы они свыклись с этой мыслью. До отправки в Барск она должна проявить максимум упорства, чтобы занять место в сердцах этих людей. Тогда в случае опасности они за нее вступятся.

Размышляя подобным образом, Дора неторопливо доедала фасолевый суп. Мм, вкуснотища!

Но времени, как оказалось, не было. Припозднившийся к обеду отец сообщил, что девочек заберут завтра утром. Обеих. Присев за стол рядышком с мигранткой, Леонид перевел задумчивый взгляд с гостьи на дочь и обратно.

– О твоем визите, Дора, мы узнали в начале зимы. Приборы засекли повышенное внимание к Маше. Чтобы не допустить подселения, мы в спешке обследовали дочь.

Маха кивнула, вспоминая нудные походы по поликлиникам, дикую кучу сданных анализов…

– На основе собранных материалов мы получили ее клон. – Леонид обернулся к жене. – Правда, Саша?

– Верно, – подтвердила мать, с тихим щелчком закрывая ноутбук и отодвигая его от себя вместе с тарелкой. – Помимо преподавания я занималась генетикой, – обратилась она к точной копии дочери, – и непосредственно контролировала процесс клонирования. Но как ты знаешь, Дора, взрослые клоны хоть и являются полной биологической копией человека, собственным разумом не обладают и обучению практически не поддаются. Грудной ребенок действует более осознанно, чем взрослая искусственно выращенная особь.

– Но я же хожу, говорю… – начала Дора.

– Именно. – Голос матери, до этого лишенный эмоций, дрогнул. – До сегодняшнего утра твое тело было подключено к системе жизнеобеспечения, бессмысленно смотрело в одну точку, пускало слюнявые пузыри, ело и избавлялось от пищи по расписанию. Мы вычислили с точностью до дня прибытие пилигрима. – Она обернулась к Маше. – Доча, чтобы все вышло, как задумано, мы усыпили тебя на время переезда. Рядом с клоном поместили прибор, имитирующий работу твоего мозга. Молились и ждали. Дорино «я» в пять сорок семь утра не промахнулось, одушевило заготовку, став полноценным человеком.

– Тебя высадили на окраине поселка и позволили прийти в себя, – закончил Леонид.

Так вот как все было на самом деле! «Мои бы не справились», – с грустью и некоторой завистью подумала Дорофея. Сколько сил и труда потратили эти люди для спасения дочери!

– Что дальше? – поторопилась она спросить, пока хитрые хозяева не сменили тему беседы. – Я подопытная крыска?

– Ты не первый подобный клон, – успокоила ее мать. – Ученых интересует отличие твоего поведения от Машиного. Ты не рядовой гражданин, должна понимать: она – твое местное зеркало, просто воспитана в иных условиях. Нам пришлось переехать в научный городок. Тебе и Маше выделили наставника. Так что завтра вы обе отправитесь на обучение в Барск. Это почетно, не кривитесь.

– Зачем? – возмутилась до этого изо всех сил гримасничавшая Маха. Она подскочила со стула, но отец ловко ухватил ее за руку и заставил сесть на место.

– Поедешь! – Голос Леонида резанул острыми льдинками. – Мы уже беседовали на эту тему! Тебе пора многому научиться. Прежде всего, терпимости к другим.

«А “сестричка” тоже не подарок! – Дора постаралась скрыть довольную улыбку. – Леонид Алексеевич, какой приятный сюрприз вы мне преподнесли! Может статься, Маха не так сильно от меня отличается. А вторую “себя” я укрощу в два счета!»

Вечер прошел на удивление мило и благообразно. Родители устроили чаепитие в саду. Недовольная Машка, проболтавшая до темноты по телефону с покинутыми подругами, жаловалась на глушь и всеобщее непонимание.

Дора с удовольствием пробовала мамину выпечку и папин шашлык, наслаждаясь вкусом натуральных продуктов. Смутные воспоминания детства наслаивались на нынешние картины, образуя причудливую реальность, от которой было неясно, чего ожидать. Город вдалеке расцветал огнями, в коттеджах поблизости загорались окна… И Доре вдруг подумалось: именно сейчас она находится на своем месте. И неважно, что было вчера, а что случится завтра. Она должна была оказаться здесь – в максимально комфортном для нее мире и времени. Вот и оказалась.

Воздух пах жасмином и клубничным пирогом, родители праздновали переезд и благополучное разрешение многомесячных тревог. В этот момент они были готовы признать Дору своей второй родной дочерью. Девушка слушала их разговоры, забавлялась видом ревнующей Машки и впервые за многие месяцы чувствовала себя счастливой.

А ночью Доре в собственной комнате привиделась большая белая кошка – полупрозрачная, гибкая, не ведающая преград. Она заглянула в окно, просочилась сквозь запертую балконную дверь и, бесшумно ступая мохнатыми лапами по густому ворсу ковра, исчезла в углу за шкафом. Через минуту ее силуэт мелькал в саду в погоне за ночными бабочками, сверчками и цикадами.

17 июня. Окрестности Барска

Утро началось внезапно, шумно и безжалостно, тоже с кошачьим участием. Кошки Плюшка и Топтыжка свалили со стола пустую кастрюлю, разбили тарелку и умчались на неосвоенные просторы дома – прятаться.

Через полминуты зазвенел мамин голос, громко отчитывающий пушистых негодниц, и папин – заступающийся. В итоге влетело Машке, оставившей на ночь дверь на кухню открытой.

Дора лежала в постели, вслушивалась в утренний концерт и улыбалась. Ей нравилось кипение жизни – не придуманной, искусственно загнанной на просторы макросети, а реальной.

С собственными родителями она рассорилась всерьез и надолго. Они не верили в ее способности, заставляли следовать по своему пути, силком тащили в космос, обрекали годами торчать на орбите, поливать, прививать цветочки-росточки.

Как они высмеивали ее начинания, когда ее первое участие в инсталляции не принесло ни приглашения на работу, ни заказов! Как мешали позже! А потом бросили ее, такую самостоятельную, улетели на станцию.

Поначалу Дора даже хотела передумать – настолько их поступок стал для нее неожиданным. Но после привыкла, поняла: на это родители и надеялись – столкнуть ее с суровой действительностью, испугать, заставить пойти на попятный. Не вышло. Дора была не из тех, кто легко ломается.

Сейчас с высоты прожитого опыта, битв и игр в макросети она знала: ссоры можно было легко избежать, договориться, понять друг друга…

– Иди, буди Дорофею, – зазвенел мамин голос.

– Вот еще! И так проснется от ваших воплей! – насупилась Маша.

– Пожалуйста, не заставляй меня просить дважды, – обманчиво-спокойно приказала мать.

Возражений не последовало. Ага, «сестричка» идет в гости. Дора хихикнула и довольно натянула одеяло на голову, притворившись спящей.

Будить Машка решила жестко – одним рывком сдернула одеяло на пол и сердито сообщила:

– Мама тебя накормить решила.

Ага, мол, ты ничем не заслужила подобной милости! Дора лениво приподнялась на локте и мило улыбнулась:

– Доброе утро, Машусик.

«Близняшка» скривилась и вышла, хлопнув дверью.

Спустившись на завтрак, Дорофея вежливо, точно в старинной постановке, раскланялась со старшими Ивановыми. Как точно с ними вести себя, она не знала. Вдруг в их времени заведено проявлять вежливость по-особому?

– Дорофея, достаточно просто сказать «доброе утро», – подсказал Леонид Алексеевич, пряча улыбку.

Машка за стол не вернулась, оставив недоеденные гренки остывать на блюде. Глядя на нее, мать только вздохнула, отец неодобрительно покачал головой.

– Я кругом виновата, – больше для соблюдения приличий, чем из чувства вины, призналась Дора.

– Глупости. – Отец не стал защищать дочь. – Машутка выросла эгоисткой, ни в чем не знающей отказа. Ей полезно прочувствовать, что значит не быть центром вселенной.

– Тем более мы все равно в Барск собирались, – закончила Александра Михайловна. – Квартиру свою продали, чтобы домик этот по своему усмотрению обустроить. По осени меня переводят в местные лаборатории. А выбрать персонального наставника для дочери я не мечтала. Ты, Дора, не переживай. Главное, мы вовремя тебя вычислили и приняли меры.

«Уф, это хорошо! – окончательно успокоилась путешественница сквозь время и пространство. – А Маху я достану так, что она не выдержит, первой пощады запросит, тогда и поговорим по душам. Иногда, чтобы по-настоящему сдружиться, нужно как следует сцепиться. Лучше друг друга узнаешь».

Рассуждая подобным образом, Дора позавтракала и только собралась уточнить у Ивановых местные обычаи и правила поведения, как на кухню вбежала взволнованная Маша.

– Там вертолет у калитки! Военный, кажется.

– Пора, девочки, собирайтесь. – Мать поднялась из-за стола, сразу став сосредоточенной и серьезной. – Вещи я вам сложила. На остальное у вас десять минут.

Спорить не стали. Прощание прошло как-то скомкано. Родители тискали Машу, шептали на ушко наставления, убеждали быть хорошей девочкой. Дора, ощущая поднимающееся в груди раздражение, отвернулась и первой запрыгнула в кабину.

Бородатый пилот, приподняв затененные очки, коротким кивком поздоровался и, наклонившись к двери, поторопил:

– Я должен без пяти одиннадцать высадить девочек на набережной. Времени в обрез.

Насупившаяся Машка нехотя заползла в кабину, зашуршала свертками, долго пристегивалась, назло растягивая время.

– Удачи вам, девочки! – помахала рукой Александра Михайловна.

Леонид Алексеевич улыбнулся на прощание. Да-да, понятно – будут звонить, к осени приедут в город. А до тех пор их, почти близнецов, будет изучать таинственный наставник. Дорофея представляла его себе лысеющим стариком с всклоченными волосенками над ушами, узкими очками, блеющим козлиным голоском. Как раз такими изображают в кино и сетевых постановках свихнувшихся ученых и занудных преподавателей. Хотя ее и Машкины родители тоже ученые, но вполне нормальные люди. Иногда.

Вертолет оторвался от земли и медленно начал вертикальный подъем. Отсюда шум винтов был еле слышен. Пилот включил мрачноватую инструментальную музыку. Самое то, чтобы подумать. Только сейчас Дора спохватилась – она так и не выяснила у Ивановых, как они могли узнать о ее прибытии еще зимой, если Бета утверждал – мигрант с сообщением о ее появлении переместился сюда около месяца назад?

Но забивать голову догадками девушка не стала – еще будет время поинтересоваться.

– Слушай, – Дорофея склонилась к своей точной копии, – ты не очень-то расстроена переездом. И на меня не слишком злишься. Значит, там, где ты жила, ты не была звездой вечеринок. И парня у тебя не было. Так?

– А ты, я смотрю, вообще в другое время сбежала. Родители вчера обрыдались над бедняжкой – ах, судьба у нее нелегкая!

«Хм, достойная противница», – отметила Дора.

– Я много чего могу рассказать, но ты все равно не поверишь, – доверительно сообщила она Машке.

– И не мечтала о таком счастье!

– Де-е-евочки, – укоризненно обернулся пилот, – окажемся на земле, пообщаетесь. А пока наслаждайтесь видами. Небось в Барске ни разу не были.

Путешественница во времени никогда не видела других городов, тем более иномирных. Разборки с Машкой потеряли всякую привлекательность. Приникнув

к стеклу, Дорофея любовалась панорамой молодого города, озаренного лучами яркого солнца. Точно частокол – неприступный и устрашающий всех непрошеных гостей – город окружали небоскребы. Кольцо еще не замкнулось полностью, но из земли на мощных фундаментах поднимались недостроенные сооружения. Более всего они напоминали Доре Тучепад и прочие колоссы из макросети. Точно самые смелые грезы сетевиков воплотились в камне, бетоне, металле и стекле – причудливая архитектура, кажется, противоречила законам физики. Поставленные на ребро кубы, перевернутые пирамиды, изломанные, вывернутые под немыслимыми углами дома-трубы… Дора, оценив затраченные средства и масштаб строительства, уважительно прицокнула языком.

За небоскребами раскинулись заводы и фабрики. Вертолет бесстрашно лавировал меж дышащих сизым и белесым дымом труб неведомого комбината. С высоты было прекрасно видно, как от цеха к цеху сновали ярко-зеленые машинки-погрузчики.

Далее обнаружились вполне обычные многоэтажки спальных районов, изредка прорезаемые широкими проспектами и медальонами площадей. Дора разглядела несколько пятнышек парков и огромный фонтан, вскидывающий свои струи на высоту пятого этажа.

То, что путешествие близится к концу, девушка поняла, разглядев блестящую на солнце водную гладь. Дома разом ужались до трех этажей, отступили в тень липовых и каштановых аллей, освобождая пространство для широкой набережной.

Озеро было однозначно рукотворным – правильно-овальным. И, по мнению Доры, просто огромным. Его синие воды вспенивали катера и лодочки, а по направлению к берегу медленно летел самый настоящий парусник, прямо как в квестах про пиратов. Дора пару раз в них играла, даже доходила до продвинутого уровня. Но до пиратских сокровищ так и не добиралась, зато спускала все накопления на развитие своей героини. Помнится, выходя из игры, она вместе с еще несколькими разорившимися неудачниками обрушила один из игровых серверов – просто так, из чувства справедливости. Ее так и не вычислили, хотя кое-кто тогда поплатился за опасную шалость.

Вертолет сел у самого пирса.

– Как заказывали, у седьмого причала, – обернулся к ним пилот. – На выход, девочки.

Маша первой ухватила чемодан и спрыгнула на асфальт. Дора недоверчиво устремила взгляд на пилота:

– Нас не встречают. Это нормально?

– Кому надо – встретят. А у меня график. Будет время, наймете прогулочный вертолет, а лучше шлепалку. Я полетел, выгружайся, – заторопился бородач.

Спорить Дора не стала, присоединилась к Маше, тоже растерянной и оттого вовсе не колючей.

– Ты как хочешь, а я отойду подальше от воды, – непривычная к открытым пространствам, благоразумно рассудила Дорофея.

– Смотри, там лавочка под липами, – миролюбиво согласилась с ней Машка, с трудом волоча за собой тяжеленный чемодан.

Что она туда напихала? Ее мать вчера вечером собрала абсолютно одинаковые по весу сумки – Дора лично проверила, не обделили ли ее. На солнце было действительно жарко. Костюмчик из плотных брюк и жилетки выглядел симпатично, но воздух не пропускал. Ткань белой футболки слегка кусалась. Скорей бы встретиться с непонятным наставником и где-нибудь переодеться!

Они устроились на набережной, возвышавшейся над пирсами на четыре ступеньки. Место для обзора идеально. Озеро просматривалось все, как и большая часть набережной. Редкие прохожие спешили мимо только разворачивающих торговлю палаток с мороженым и газировкой. Владельцы магазинов и кафе неторопливо поднимали ролл-ставни и отворяли двери.

Пройтись бы по сувенирным лавкам, изучить пристрастия местных. Жаль, название и назначение многих предметов, выставленных на витрине сувенирного магазинчика позади их скамейки, Дора не знала, но спрашивать у Машки не собиралась. Зачем давать дополнительный повод для шуток?

И все же сколько здесь зелени! В ее стране основная часть населения собрана в городах, вытянувшихся вверх, зарывшихся вглубь на много-много этажей. Уплотнение максимальное, людей-то уйма. Города с населением меньше пяти миллионов жителей на территории РКИСа теперь почти не встречаются. Остальные пространства освобождены под переработку мусора, промышленные точки, а также агропоселения и заповедники, куда простому смертному попасть нереально.

Тем временем парусник, тот самый, двухмачтовый, приближался к седьмому причалу. Подходил он медленно, вальяжно, словно красуясь перед немногочисленными прохожими и встречающими. Матросы на пирсе ловко поймали и закрепили швартовые тросы. Дора с сожалением поняла: парусник только казался таким большим, а на самом деле – обычная прогулочная яхта и вовсе не пиратский галеон.

Затаив дыхание, девушки следили за высадкой пассажиров. Кто из них наставник, обязанный обучать их лето напролет? Не толстячок и не моложавая блондинка. Может, таинственный брюнет с портфелем? Но ни один из прибывших не остановился, не обернулся, высматривая на набережной будущих подопечных. Толпа быстро рассосалась, оставив корабль слегка покачиваться на волнах.

Дора скосила глаза на Машкины часы – ровно одиннадцать. Может быть, тот, кого они ждут, прибудет на следующем корабле, катере, лодке, приплывет к берегу на бревне? На чем еще можно плавать?

Но тут…

– Ноги моей больше не будет на вашем корыте! Что это за судно такое, если вы не в состоянии разбудить пассажира по прибытии в порт?

Резковатый женский голос загремел над причалом, вибрируя и отдаваясь в каждой клеточке тела.

– Лентяи! Безмозглые трусы! Как вы могли меня испугаться?! Что за нелепое оправдание?! Что вы за мужчины?! По судам затаскаю! Отберу гнилое корыто и пущу на растопку!

Послышались невнятные протесты и возражения. Но силы в голосе команды явно не хватало, чтобы перекричать не на шутку разошедшуюся пассажирку.

– Отойди, не засти солнце! Сумки бери, чего чаек ловишь? Сейчас мне такси сообразишь, тогда прощу, если хоть кроха настроения останется после ваших глупостей! – командовала она, не сбавляя тона. – Учтите, опоздаю из-за вас на встречу – голову откушу!

Верилось сразу – такая откусит. Девушки даже привстали со скамьи, дабы получше рассмотреть буянку. И было на что взглянуть. Среднего роста, стройная, в синем платьице до колен, на высоченных шпильках, она легко спрыгнула на пирс. Огненные волосы взметнулись облаком и затрепетали на ветру. Июньское солнце вспыхнуло в каждом крупном завитке.

Незнакомка, на вид лет тридцати, оказалась ослепительно красива. Цепкий взгляд окатил ледяной синевой, заставив перегревшихся на жаре девушек зябко поежиться.

Танцующей походкой она направилась к ступенькам, на полпути обернулась. Матрос, кативший ее чемодан на колесиках, сжался и втянул голову в плечи, точно побитая собачонка.

– Живей, живей! Не то решу, будто ты на собственные похороны торопишься. Знаешь, могу поспособствовать, – «пожурила» она его. И, обернувшись к девушкам, насмешливо добавила: – О, еще одни мухоловки! Чего расселись? Чемоданы в зубы и следом. Нечего загорать, девицы Ивановы!

Маша и Дора переглянулись. Во-о-от попали! И как себя вести дальше – уму непостижимо!

Пришлось забиться на заднее сиденье и терпеливо дожидаться, пока непонятная особа, оказавшаяся их наставницей, решит свои вопросы. Машка попробовала было покачать права, но рыжеволосая мучительница только раздраженно фыркнула:

– Мелкоте слова не давали. Ждите, дойдет и до вас дело.

Маша скорчила рожицу и, вытащив мобильник, погрузилась в собирание простенького тетриса. Дорофея раньше времени решила не расстраиваться. Новый город заслуживал внимания. Недостроенный деловой центр с внушительными небоскребами, парки, куда, судя по всему, пускали всех желающих, не интересуясь социальным статусом и уровнем доступа, игровые площадки для детей, колесо обозрения в малоэтажной части Барска. Образы казались чужими и одновременно знакомыми по играм, по смутным снам – слишком нереальным и потому плохо запоминающимся.

«Красивый мир, народ сюда потянется», – подумала девушка, представляя, как Бета жестом профессионального фокусника будет распахивать перед будущими туристами каталог миров, расписывая преимущества Земли-56. Она, Дорофея, здесь первопроходец… Только как забыть осуждающее выражение лиц Машиных родителей, выбросить из головы их тревоги и переживания? Наверняка не всех мигрантов удается клонировать или разделить после?..

Когда кучевые облака на западе начали приобретать золотисто-малиновый оттенок, наставница привезла Машу с Дорой к удивительному сооружению на противоположном берегу озера.

Больше всего это здание напоминало лежащую на земле пружину в шесть завитков-небоскребов. Кольца возносились на высоту сорока этажей. И если запрокинуть голову, то казалось, что выше только птицы и са молеты.

– Дети, бегом к лифту. Второе кольцо справа! – скомандовала наставница, нетерпеливо следя за тем, как таксист, чертыхаясь, вытягивает из багажника ее чемодан.

Маша направилась к раздвижным стеклянным дверям, но окрик мучительницы застал ее у подножия высоких ступеней.

– Куда, глупые создания?! Все самой приходится делать.

Процокав каблучками чуть в сторону, она шагнула под незаметную арку, за которой в просторном коридоре с двух сторон поблескивали кабинки лифтов. Выбрав тот, который носил гордый номер сорок, она нажала кнопку вызова, перехватила последний чемодан у таксиста и небрежно кивнула девушкам на

раскрывшиеся дверцы.

– Шагом марш, мухоловки.

«Сестры» Ивановы переглянулись и вошли внутрь. Лифт тронулся, через несколько мгновений вырвался из шахты и пополз вверх по внешней стороне небоскреба.

У Доры от страха перехватило дыхание. Вцепившись окоченевшими пальцами в поручни абсолютно прозрачного лифта (стеклянного даже снизу), следя, как уходит и остается где-то внизу земля, как медленно приближается верхняя часть «завитка», девушка мысленно радовалась, что с утра так мало ела.

В вертолете не было так страшно. Может, по первости, а возможно, потому, что кресла казались надежными, успокаивала широкая спина пилота впереди. Да и в воздушные гонки Дора играла не раз. Однако в Барске чувство нереальности происходящего исчезло. Вдали от дома, от Машкиных родителей, так похожих на ее собственных… Сетка координат изменилась, а действовать вслепую на чужой карте Дора опасалась.

Лифт привез пассажирок в коридор, освещенный прозрачным потолком, через который синело такое близкое небо. Молчавшая все путешествие наставница провела их в просторную комнату, так и не проявив талантов красноречия.

Девушки робко осмотрелись. Напольные горшки с бушующими цветами расположились вдоль прозрачной стены, плавно перетекающей в такой же потолок, четыре мягких кресла, в которых можно утонуть, низкий столик и низенький диванчик песочного цвета. На бледно-зеленых стенах висели картины с тропическими пейзажами.

– Ждать меня тут. Вернусь – поговорим, – по-военному коротко распорядилась наставница и вышла прочь.

Дверь за ней бесшумно затворилась и… исчезла. Маша только поскребла ногтями совершенно гладкую стену и обернулась к своей недавней противнице:

– Ты что-нибудь понимаешь?

– Вообще-то ты у нас местная, – развела руками Дора.

– Просто тут все точно в фантастическом фильме. – Маша с растерянным видом пнула ногой чемодан и устроилась в одном из кресел.

Дора прислушалась к собственным ощущениям. Однозначно, за ними наблюдают. Скорее всего, та же самая наставница. Чем это грозит? Только одним – отсутствием личной свободы. Во всяком случае, до тех пор, пока они не убедят наблюдателей в собственной непригодности для их целей. Вывод? Пора мириться с Махой. Вдвоем больше шансов обдурить этих недоделанных ученых.

– Маш, ты есть хочешь? Я не привыкла так долго без пищи обходиться. И не только без пищи. – Дора усиленно завертела головой.

– Пойди поищи дверь. Вдруг тебе повезет? – Маха чувствовала себя неуверенно, потому на время спрятала иголки. – Ты же из будущего.

– Альтернативного, – поправила ее Дорофея.

Хм, а если побеседовать с наблюдателями напрямую? Встав в середину комнаты, она осмотрелась и, решив, что камеры лучше всего спрятать в обилии цветов, обратилась к импровизированной оранжерее.

– Прекратите за нами подглядывать. Мы не лабораторные обезьянки, которые при включении лампочки просят банан. Я хоть и клон, но человек. И я требую выпустить нас!

– Дорофея, в твоем мире растения наделены разумом? Ты с ними так оживленно беседуешь! – послышался голос с неприкрытой издевкой.

Дора вздрогнула и обернулась.

В проеме вновь появившейся двери красовалась их мучительница. Она переоделась в зеленый наряд, и Дорофея с удивлением разглядела, что глаза у женщины сейчас стали в тон платью – ярко-изумрудными.

– Зачем вы нас заперли? – кипя от возмущения, поинтересовалась Машка.

– Ты забавно сердишься, а я люблю посмеяться, – просто ответила хозяйка квартиры.

– Мы хотим вернуться домой или требуем себе другого наставника! – чувствуя негласную Машкину поддержку, решилась на мятеж Дора.

– А вы и вправду забавные, – рассмеялась женщина, с жалостью поглядывая на своих жертв. – Что же, обезьянки, вы заслужили банан. Вас покормят, выдадут подходящую сезону одежду, а не эту потовыжималку – Она с пренебрежением покосилась на почти одинаковые костюмчики.

– Не смейте нами командовать! – неумело попыталась бунтовать Маша.

– Завтра мы пообщаемся более вдумчиво, если вы проявите чуточку благоразумия. А пока хочу дать вам пищу для размышлений. Во-первых, семью Ивановых перевели в Барск только ради вас. Запомните, обезьянки, в этот город просто так не попадают. И уж тем более не покидают его без специального разрешения. Во-вторых, ты, Дорофея Иванова, существо нестабильное, неизученное, для всего остального человечества – не существующее, потому для общества опасное. Кто тебя отпустит? Мы и так потратились, выращивая это тело. Если бы не мы – воевать тебе с собственной копией за общую жилплощадь.

– Послушайте… – попыталась возразить Дора.

– Это ты меня послушай, обезьянка. – Женщина встряхнула рыжей шевелюрой. – Ты сюда отправилась на экскурсию, на увеселительную прогулку. Но не факт, что мы выдадим обратный билет. И в твоих интересах с нами сотрудничать, если ты, конечно, еще желаешь однажды вдохнуть токсичный воздух родины и увидеть маму с папой. Я ясно выразилась?

Дора кивнула, сжимая кулаки от возмущения. Маша отвернулась от обеих.

– Хорошо, девочки. – Голос наставницы изменился, зажурчал мягко и уютно. Располагайтесь. Сейчас придет Роза – наша неисправимая любительница цветов, покажет вам, как открывать местные двери, принесет ужин. Эта часть этажа в вашем распоряжении. Встретимся завтра в девять. Кстати, меня зовут Вероника, но я предпочитаю более короткий вариант – Ника.

Она повернулась на каблуках и вышла из помещения, оставив ошарашенных девушек наедине со своими мыслями и переживаниями.

…Ужин им действительно вскоре принесла миловидная неразговорчивая девушка. На все вопросы Ивановых она отвечала коротко:

– Это к Нике.

И хоть что делай – не раскололась, не поддалась. Зато целый час провозилась с цветами – протирала влажной тряпочкой листья, рыхлила землю, перемещала кадки с рассадой. Хорошо хоть, сама с расспросами не лезла.

Дора задумчиво закусила губу. Она совершенно не знала этого мира, не могла определиться, что делать. Зато Маша распаковала чемодан, вытащила серебристый легкий ноутбук (о, ужас, аж с клавиатурой, для Доры – величайший антиквариат), включила его и принялась исследовать Интернет, удобно растянувшись на диванчике.

– Что ищешь? – Дора окончательно решила не задирать «сестрицу». Как гласит древняя пословица – они оказались в одной лодке, потому выяснять, кто круче, до схода на берег глупо.

Машка тоже растеряла былую воинственность, посторонилась, позволяя Доре заглянуть в экран. Там городской сайт демонстрировал фотографию набережной.

– «Вас приветствует администрация города Барска», – прочитала Машка. – Гляди: «Город построен в рамках программы «Равномерное интеллектуальное развитие страны». Данная программа способствует росту интеллектуального потенциала…», тра-ля-ля. Дальше тягомотина, лапшевешанье полное. Мы типа неразвитые, слышала?

– Похоже на наших, когда они после Второй информационной, восстанавливая интеллектуальное пространство РКИСа, стали закачивать всем в мозги «необходимый культурный минимум». Только чип в мозг вставляют – и сразу такой умной становишься, аж тошнит по первости от собственной учености.

– После расскажешь, – отмахнулась от нее Маха, пододвигаясь к спинке дивана, позволяя собственному клону присесть на краешек. – Вот интересно: «Строительство Барска началось в две тысячи двадцатом году по соседству с поселком Васильки».

– Забавно. Так назывался город, где я жила, – не утерпела Дора. – Васильков.

– Молчи уже, туристка, не перебивай экскурсовода. Так, «строимся мы до сих пор и к две тысячи пятидесятому году намереваемся стать интеллектуальной столицей региона. Всего таких городков планируется шестнадцать, Барск возводят одним из первых». Дальше про природу, а это скучно.

– Смотри, мы тут. – Дора ткнула пальцем в фотографию небоскреба. – Забавно.

– «Благодаря усилиям российских и китайских архитекторов в городе уже возведено свыше шестидесяти высокотехнологичных зданий, каждое из которых индивидуально и неповторимо, – прочитала Маша. – Современные дома для наших жителей носят поэтичные названия: Струна, Конструктор, Пружина, ДНК-мания». Глянь, наш называется Гремящий дракон. С какого перепуга?

Дора оттеснила Машу, всматриваясь в экран. Она не привыкла так много читать и ощущала, как поднимается раздражение от неожиданной нагрузки. Куда проще выйти в макросеть и отправить собеседнику пакет данных. Быстро и не напрягает.

– «На сегодняшний день в Барске формируется центр испытательной авиации, – прочитала Дорофея. – В научных учреждениях города ведутся работы по изучению различных эффектов клонирования, проводится клонирование в медицинских целях»… Не тут ли меня вырастили?

Она отодвинулась от экрана, почесала затылок. Маха только фыркнула, потянулась к блюду со смородиной – жутко кислой, поэтому почти не тронутой с ужина, подцепила пару оторвавшихся от грозди ягод и отправила их в рот, морщась.

– Думаешь, зря? – как бы невзначай обронила она.

– Что зря? – не поняла Дора.

– Ну, вырастили тебя? – невинно поинтересовалась «сестрица».

– Иди ты! – обиделась Дорофея. Она только расслабилась, и на тебе, шпилька.

– Ладно, мир. Давай дальше смотреть, – пошла на попятную Машка. – Главный в Барске мэр. Все вопросы науки и образования города курирует Комиссия по развитию, в которую входят помимо мэра еще одиннадцать чудиков, – быстро просмотрев текст, подытожила она. – По делу все.

– Погоди. – Взгляд Доры зацепился за имя «Вероника Ильина». – Можно просмотреть, кто она?

– Без вопросов.

Машка нажала на ссылку. Девочкам с монитора улыбнулась их мучительница и наставница в одном лице – Ника.

– Оба-алдеть. – Маха заерзала на диване. – Не просто так тетка с улицы, специалист по психологии клонов, руководитель второго по величине Центра клонирования России. Дорка, она к тебе в мозги залезет, даже туфли не снимет, так каблучищами и потопчется по выращенной черепушке.

– Это мы еще посмотрим! – фыркнула клонированная Иванова.

Дальнейшее изучение Интернета показало, что про мигрантов между мирами можно прочесть только в фантастической литературе, очень далекой от науки.

Про Барск информации оказалось катастрофически мало, и она являла собой перепечатку с официального сайта города.

Дора, не привычная к таким объемам чтения, оставила Машку разбираться во множестве букв и слов, а сама подошла к стеклянной стене. В этот раз не ощутив особого волнения, устремила взгляд на вечерний город, пылающий множеством огоньков.

Высокие небоскребы, гораздо выше Гремящего дракона, угадывались во мраке, похожие на звездолеты из игр. Кажется, сейчас прямоугольнички их окон вздрогнут, темная масса зданий покачнется и медленно, величественно поплывет в небеса, оставляя след из дыма и меркнущих клочьев плазмы.

Как там родители на орбитальной станции? Они никогда не вернутся на землю. Мама ждет ребенка, а это приговор. Выношенное при искусственной гравитации дитя не выживет на Земле, где сила тяжести в полтора раза выше. А вернуться раньше срока не позволит контракт.

Черная гладь озера опустела. Запоздалый теплоходик спешил к пристани. Возле нее качались, искажались в воде пятна света от вереницы фонарей.

Девушка не сразу поняла, что Маша зовет ее, так и стояла, прижавшись лбом к холодному стеклу.

– Слушаю, – произнесла она, не желая отводить взгляд от дрожания света на воде.

– Тут, оказывается, какой-то древний город под озером. До озера был песчаный карьер, где находили черепки, даже какие-то глиняные фигурки, а потом рабочие докопали до подземной лужи. Вода хлынула на поверхность, и образовалось озеро.

– Забавно. – Девушка с трудом оторвала взгляд от окна и подошла к Маше. – И что?

– Как что, здесь когда-то жили древние люди. Интересно ведь.

– В любом месте Земли когда-нибудь кто-нибудь жил. Я тоже смотрю на вас, как на невероятную древность, все пытаюсь дозваться макросеть, хотя чипа за ухом нет. – Она вопросительно посмотрела на «сестру». – Может, плюнем на ученых и сбежим?

– А тебе домой не хочется? – удивилась Маша. – Мама уверена, только в Барске тебе могут помочь вернуться. Не сейчас, конечно, – примирительно исправилась она. – Через три года.

– Глупости, – начала Дора, но потом задумалась. – Мне Бета обещал около трех лет сафари по доисторическим землям, в смысле, по вашему миру, после он оживит мое тело, и душа фьють – вернется обратно. Хотя, если родители поднимут шум, возвращение может оказаться скоропостижным.

– А они у тебя какие? – заинтересовалась Машка.

– Такие же, как и твои. С поправкой на прогресс, конечно. Космобиологи по образованию. Безумно занятые, мечтают перекроить меня по своему образу и подобию.

– Мои такие же, – вздохнула Маша. – Только их это не оправдывает.

– В чем проблема? – насторожилась Дора.

– Прикинь, они о тебе еще зимой знали, а сказали только при твоем появлении! Молчали до последнего, врали в лицо, глаз не отводя! – Маха обиженно сжала кулачки.

Да, тут загадка из загадок. Дорофея сделала в памяти еще одну зарубку – как можно скорее разобраться, когда же о ней узнали и почему.

– Не хнычь! – поморщилась она. – Ты бы с утра до вечера представляла, что в твоей голове завелся новый человек. Он и без меня завелся бы. В смысле, ты бы с ума сошла от таких дум.

– Просыпалась утром, заглядывала бы на чердак и высматривала – есть там кто или нет, – улыбнулась успокоенная Маша. – Я как-то об этом не думала.

– Что ты решила – остаемся или нет? – испытывающе посмотрела на «сестру» Дора.

– Я бы осталась, – призналась она. – Очень беспокоит, зачем они с нами так носятся. Видишь, наставницу из Комиссии назначили. Оказывается, мы такие великие, даже не знаем почему.

Дора улыбнулась и одобрительно кивнула. Она заинтересовала своего двойника. Значит, они будут действовать заодно, а это облегчит получение информации. Да и вместе веселее.

Убедившись, что девушки устроились спать, утомленные длинным днем, Ника поднялась со скамейки в парке неподалеку от небоскреба, вынула из правого уха наушник прослушки и, поднеся к губам узкое запястье, обвитое широким браслетом со встроенным коммуникатором, шепнула:

– Мои мухоловки помирились, теперь с ними можно работать.

Ответа не последовало, но Ника знала – ее услышали и поняли правильно. А потому волноваться не стоит.

Председатель передал девчонок в ее распоряжение. Бывший муженек второй день впустую сотрясает воздух возмущениями и жалобами. Сторонников у высоколобого зазнайки немного, ничего он не добьется. Правда, в Комиссию затесалась белобрысая курица Инга и сразу принялась за интриги, заручилась поддержкой Гончарова и Обмылка. Но кто она такая, чтобы противостоять ей, Нике?

С началом работы в местных лабораториях рыжеволосой красавице метко дали прозвище Шило. Веронике оно даже нравилось. Она умела быть до безжалостного прямолинейной, могла уколоть противника, невзирая на его чувства и ожидания. И всегда выигрывала. Почти всегда.

Она неспешным шагом направилась к набережной, спустилась к песчаному пляжу, присела у черной кромки воды – сейчас спокойной, не по сезону холодной – и шепотом спросила:

– Что же ты такое? Что скрываешь в себе?

Вода, естественно, не ответила, вбирая в себя свет окон небоскреба и желтоголовых фонарей. В центре покачивалось лунное отражение, оставляя зыбкую зеленоватую дорожку.

Ника полюбовалась на игру света в четком зеркале озера и, что-то решив для себя, распрямилась, твердым шагам направилась к громаде небоскреба. От темного табачного киоска отделилась тень, сделала пару шагов следом, но потом остановилась, одумавшись, понуро опустила плечи и вновь слилась с мраком.

18 июня. Барск. Заводские окраины

Заканчивалась сессия, и Бронислав Виленович теперь появлялся в университете нечасто. Зато его можно было увидеть в офисе собственной фирмы и в лабораториях Барска. Как члену Комиссии, ему никто не чинил препятствий и не перечил, если высокопоставленный ученый желал ознакомиться с результатами исследований. Тем более если учеными были женщины.

Тридцативосьмилетний Броня этим пользовался, и сейчас, входя в неказистое на вид трехэтажное здание на заводской окраине Барска, он покровительственно улыбнулся Ирочке – аспирантке-биологу, одной из его шпионок.

– Бронислав, – боясь лишний раз вздохнуть в присутствии кумира, произнесла она, краснея, – Якорев получил интересные результаты. И я ему помогала, да. Знаете, после облучения мышей, они принесли потомство с транспозицией внутренних органов. Сейчас мы пишем статью в журна…

– Потом, – не дал ей похвастаться Броня. – Все потом. Гончаров здесь?

– Ага, – растерялась Ирочка. – На втором этаже. Он в двадцать шестом ка-би-не-те, – пробормотала она в спину удаляющегося Брони. Вот так всегда, когда ей так нужна его похвала и поддержка, он ее игнорирует. Но может быть, когда-нибудь…

Напрочь позабыв о влюбленной в него аспирантке, Броня пробежал по пахнущим реактивами коридорам, сильно смахивающим на больничные, и, не церемонясь, без стука ввалился в двадцать шестой кабинет.

Впрочем, Толик Гончаров давно смирился с манерами друга и нисколько не удивился, только проворчал:

– Мог бы позвонить.

– Некогда.

Броня плюхнулся на офисный стул с обломанным левым подлокотником (присесть в кабинете было больше не на что) и шумно выдохнул.

Толик усмехнулся, отодвинул от себя ноут и касанием пальца погасил висящий на стене экран, на котором мигали ровные столбики цифр. Дружба дружбой, а результаты интеллектуального труда врозь, Толик давно это усвоил.

– Злишься. – Он потянулся, поглядывая на Броню светлыми невыразительными глазами. – Зачем тебе эти девчонки?

– Надо. – Бронислав был не в духе. – Вообще первоначально я хотел отдать их Ольшевичу, – признался он, – но тому вчера днем стало плохо, скорая увезла. Я был сегодня у него в больнице. Врачи говорят – недолго осталось.

– Твой научный руководитель?

Броня кивнул. Жаль было старика. Никого ведь нет – ни семьи, ни детей. Всю жизнь науке посвятил, его, Бронислава, за сына считал, помогал, опекал, в круг академиков вводил. А сейчас уходит тихо и незаметно для окружающих.

– Ему уже под семьдесят, – пробормотал Гончаров, тоже многим обязанный Ольшевичу. – Хотя Кощей старше, а вон как бегает.

– То-то и оно. Дед утверждает, будто что-то его изнутри гложет, а врачи твердят – организм износился.

– Ладно, не отдали их Петру Тимофеевичу, не отдали тебе или мне… – Он пригладил черные волосы, скрывающие ранние залысины. – Сказочницу нашу никто вообще всерьез не воспринимает. Так что Вероника Ильина – лучший вариант. Не печалься, не станет с нами сотрудничать, отберем девчонок.

– Неужели ты не понимаешь, что с нами всеми происходит? – взорвался Броня. – Со всеми, друг?!

Толик потянулся, хрустнув суставами, и отдернул полуприкрытые жалюзи на окнах. В тесную комнатку хлынуло утреннее солнце, озаряя пыльный подоконник и застарелые пятна от кофе на краю столешницы и полу.

– Нет. Вернее, да, понимаю, – медленно ответил он, посмеиваясь над кипятящимся другом. – Человечество всегда эволюционировало. Сейчас очередной виток нашего развития.

– Дурак! – в сердцах топнул ногой Броня. – Если мы еще не лишились человеческого облика, это не означает, что…

– Что? – передразнил его друг, драматически закатывая глаза.

– Мы – второе поколение изменений. Девочки – третье. За ними придут новые, еще более отличающиеся от…

– Мы тоже отличаемся от неандертальцев, – потешался над другом Толик. – Кстати, девчонки тоже не в курсе, чем они так уникальны. Как и почти все мировое население. Вот сюрприз будет, когда узнают!

– Иди ты, – скорее устало, чем зло фыркнул Броня. Под глазами залегли синие тени.

«Ночь не спал, – понял Гончаров. – Небось выдумывал пути, как отвоевать подопытных. Интересно, я бы позволил ему ставить эксперименты над девчонками, если бы Кощей не поддался на уловку Ники? Наверно, нет. Во всяком случае, пока мы с Якоревым и Малосоловым не зашли в тупик, – думал он, сочувственно поглядывая на Соловьева. – Жаль, этому идиоту не удалось отстоять их для нашей команды».

– Знаю все твои аргументы. – Гончаров, похоже, не в первый раз выслушивал точку зрения друга и знал ее наизусть. – Твой обожаемый метеорит тут ни при чем. Просто пришло время.

– Нас коверкают, неужели ты не понимаешь? – хлопнул по колену широкой ладонью Броня. – Перекраивают по другому лекалу. Никогда ранее не рождались люди и животные с такими мутациями! Твои расчеты, выводы Якорева, Землена, Лаврененко и других умников подтверждают это, просто вы столь узколобы! И мигранты-пилигримы эти, что б им пусто было! – Он сердито тряхнул головой и отвернулся к окну.

– А это, коллега, называется научно-техническим прогрессом, а не вселенским заговором, о котором ты твердишь, точно параноик.

– Я прав, – упрямо гнул свое Бронислав.

– Да куда же мне до светила науки, которое уже десять нобелевок заслужило, а так ни одной и не получило.

– Это ты меряешь успех наградами, – уже миролюбиво вздохнул Броня.

– А ты в работе на благо страны? – не думал сдаваться Гончаров. – И что ты от страны получил? Даже не под всеми своими изобретениями можешь поставить подпись – немедленно засекречивают.

– Пусть. Зря, что ли, Барск превратился практически в независимое государство, которое ничего не связывает с Россией, кроме получения баснословного финансирования. Думаешь, просто так нас содержат?

– Боже упаси спорить, – не желая переходить к политическим дебатам, примирительно поднял руки вверх Гончаров. – С тобой нельзя разговаривать. Даже твоя бывшая уже не пытается.

– Не упоминай о ней. – Броня весь передернулся при о упоминании Вероники. – Ненавижу.

– Зави-и-идуешь, – улыбнулся Толик. – И простить не можешь, что ушла.

– Презираю.

– Ну-ну

18 июня. Барск. Окрестности озера Бездонное

Утром, поблагодарив Розу за вкусный завтрак, девушки отправились в комнату для занятий – ту самую, с прозрачной стеной. Ника ждала их – собранная, серьезная, строгая, абсолютно непохожая на себя вчерашнюю. Синие глаза внимательно проследили за одновременно присевшими на диван девушками: «Рядом устроились. Всем своим видом показывают – они готовы к обороне. А ведь они действительно одно целое, отражение друг друга в мозаике миров».

– Вижу, мое вчерашнее представление не прошло даром, – негромко начала она, неотрывно следя за их малейшими движениями. – И две непримиримых мухоловки сдружились против грозной меня. – Она позволила себе улыбку. – Как спалось на новом месте? Женихи невестам снились?

– Чего вы от нас хотите? – настороженно спросила девушка в светлой кофточке. Без сомнения, Маша, уж больно колючий, недоверчивый взгляд, какой часто бывает у подростков. Дора, хоть ее ровесница, гораздо более самостоятельная и взрослая. Одинокая жизнь и опыт общения в макросети не пропали даром.

Ника успела как следует расспросить Машиных родителей и того неудачливого мигранта, прибывшего из Дориного мира месяцем ранее. Поэтому имела представление о месте, где юная путешественница во времени прожила шестнадцать с небольшим лет. Жаль, эта информация доступна здесь слишком многим.

– Что я хочу? – Улыбка Ники стала еще шире. – Подружиться с вами для начала. Ибо, кроме меня, никого на вашей стороне не будет. Тихо, – остановила она готовые сорваться с девичьих губ возражения. – Вначале выслушайте, потом решайте – стоит ли мне верить. Вы уникальны. Обе, я в этом не сомневаюсь. Не только Дорофея. Мы приложили все силы, чтобы не случилось подселения, и вы оказались в разных телах.

Она помолчала, подбирая слова.

– За вас будут бороться разные личности, – предупредила она. – В первую очередь мой бывший муж, видный ученый. На редкость тщеславный, властолюбивый тип. Четыре года, пока я работала рядовым психологом в лаборатории по изучению клонов, я честно шпионила для него. Потом, – она небрежно взмахнула рукой, сверкнув кольцами на длинных пальцах, – потом мы расстались. Бедняга не вынес моего карьерного роста. Я возглавила лабораторию, наравне с ним вошла в состав Комиссии. Поэтому сумела вас у него отбить, – будничным тоном закончила рассказ Ника.

– Мы ваш трофей, так? – уточнила догадливая Дора.

– Не только. – Ника не стала юлить и оправдываться. Если ей нужно завоевать доверие этих девочек, придется быть предельно честной. – За годы работы в лаборатории я на многое насмотрелась и дорого бы дала за разгадку тайны мигрантов. Еще вопросы?

– Что со мной будет? – оживилась Дора.

– Пока наблюдение. Однозначно, вреда тебе не причинят.

– А почему вы расстались с мужем? – не удержалась Маша. Вот любопытная! – Потому что он заставлял вас шпионить?

Ника, кажется, смутилась, погладила камни трехцветной звезды на широком браслете, но все же ответила, осторожно подбирая слова.

– Понимаешь, есть мужчины, готовые терпеть подле себя женщину только в том случае, если она не показывает своего ума. Пока я работала в школе или в саду,

пока была на побегушках в лаборатории, он делал карьеру, любовался собой, видя во мне послушную дурочку. Детей он не хотел, уверенный – они помешают его научным занятиям, а я должна была чем-то заниматься. Поэтому, стоило мне начать продвижение по карьерной лестнице, я превратилась во врага, которому непременно нужно указать его место – у плиты и у корыта с бельем. Я не стала с этим мириться, и мы расстались. Вы достаточно взрослые девочки, чтобы понять, верно? Довольно переживаний и пустой болтовни!

Ника легко поднялась с кресла, схватила девушек за руки и потянула за собой.

– Пойдем на свежий воздух!

Маша была не против. Она все утро простояла у окна, восхищаясь открывающимися видами. А вот Дорофея закапризничала.

– По озеру покатаемся? – высвобождая руку, потребовала она. – Я никогда не видела вживую столько воды!

– Почему нет? – пожала плечами Ника, подходя к лифту и прикасаясь ладонью к панели вызова.

Еще один промах, нахмурилась Дора. Она до сих пор не проверила – настроена ли панель на конкретного человека или они тоже могут свободно выходить в город.

Спуск вниз на этот раз не вызвал у девушки панического ужаса. Неприятно, голова кружится, но не смертельно. Насмешливый, изучающий взгляд Ники раздражал куда сильней стеклянной кабинки лифта. Казалось, сделай шаг в сторону – догонит, накинет поводок и будет водить за собой, точно ручную зверюшку.

Уже внизу, выпрыгнув из-под арки, пока наставница вызывала через терминал такси, а Машка вертела головой по сторонам, Дорофея рассмотрела наблюдателя – высокого паренька ее возраста или чуть старше. Как бы случайно он остановился на тротуаре, медленно отвинтил крышечку у бутылки минералки, сделал маленький глоток, поправил упавшую на глаза светлую прядь.

Дора физически ощутила его внимание: взгляд юноши прошелся волной по телу – горячей внутри и прохладной, покалывающей – по коже, как это бывает в первые мгновения подключения к макросети. Но парень отвернулся, и ощущение схлынуло.

Дора осторожно обернулась к Нике с Машей. Не почувствовали – сто процентов гарантии. Забавно.

Зато стоило подъехать такси, как Ника бесцеремонно, словно шкодливого котенка, придержала Машу за шиворот у дверцы и потребовала у таксиста документы и лицензию. Тот сперва возмутился, но Ника помахала у него под носом браслетом с трехцветной звездой, и ругательства, готовые сорваться с языка водителя, превратились в обреченный вздох.

Вероника внимательно сравнила фото с оригиналом, покрутила одну из подвесок, навешенных на браслет. Дора удивленно наблюдала, как над запястьем наставницы развернулся голографический экран, как после нескольких секунд ожидания на том экране высветилось полное досье водителя. Мощные технологии для такой древности, однако! Удовлетворенно кивнув, Ника сама распахнула дверцу перед подопечными и скомандовала:

– По коням.

Смысл фразы был непонятен. Но Маша уже залезла на сиденье, поэтому ее клону пришлось последовать примеру местной Ивановой.

Изучив в зеркальце заднего вида хмурое выражение Никиного лица, Дорофея задумалась. Если наставница их так охраняет, какие злобные демоны притаились в тени уютных зданий, липовых аллей, в автомобилях, блестящих на утреннем солнышке?

Юная мигрантка слишком мало знала о приютившем ее мире. С одной стороны, в быту тут чуть ли не каменными топорами пользуются, а с другой – все эти небоскребы кардинально отличаются от типовых много этажек с похожими одна на другую жилыми ячейками. Да и сама она – разве не прямое подтверждение технических чудес Земли-56? Взрослый клон, внешне не отличимый от оригинала… Клонирование запрещено в РКИСе в 2099 году. А браслет Ники со встроенным компьютером с голографическим интерфейсом и коммуникатором?

Интересный мир, однозначно.

– Останови здесь и дожидайся нас, – вдруг скомандовала Ника водителю.

Они как раз обогнули озеро и въехали в старую часть города, хорошо знакомую Доре по макросетевым играм.

Да-да, была такая игра – простенькая, но затягивающая. Поначалу Дорофея в составе отряда полицейских освобождала заложников, а потом, когда отложенные на развлечения деньги иссякли, перешла на сторону террористов – их роль стоила дешевле. Так вот там действие происходило в приморском городке – живописном и солнечном. Дору эта игра привлекла именно красиво прописанным миром, атмосферой извилистых улочек, маленьких кофеен, где роль статистов выполняли не программы-роботы, а вполне живые люди. Те, кто готов за символическую плату откровенничать с первым встречным, зная – они никогда не встретятся с собеседниками в реале. И можно вывернуть наизнанку душу, раскрыть даже то, что не скажешь ни врачу, ни психологу, ни священнику.

Здесь, в Барске, царила именно такая атмосфера – когда ветер запутывается в волосах, когда далекие мелодии манят бродить по широким бульварам, незнакомые люди кажутся старыми знакомыми, когда понимаешь – где-то здесь, может, в этом квартале, а возможно, на другом конце города притаилась опасность. Но она не воспринимается всерьез, пока с ней не столкнешься нос к носу.

Пусть тут вместо пальм и южных акаций по краю улиц выстроились липы, каштаны и клены, даже дубы встречались. Это не портило впечатления, наоборот, словно усиливало, позволяло острее чувствовать окружающую реальность.

Ника привела девчонок в кафе, заказала мороженое и лимонад. Пока готовили заказ, она поглядывала в окно. Не смотрела, а именно поглядывала, словно желая убедиться – занавешенное золотистой прозрачной шторой, оно по-прежнему на своем месте.

– Следят, от дома чувствую. Ага, вот и наши голубчики, – усмехнулась она и, приподняв руку с браслетом, сфотографировала шоколадного цвета неказистую машину, притормозившую у входа.

– За нами? – решила уточнить Маша.

– Скорее, за мной. – Ухмылка Ники стала кровожадной. – Забыли прошлые уроки, напоминать надо. Видите ли, у нас тут редкий набор пресмыкающихся. Все как один ядовиты. Питаются друг другом и со скуки, и ради интереса. Будете осмотрительней и сообразительней – вольетесь, обрастете чешуей. А нет – помрете мухоловками.

Ника придвинула к себе вазочку с мороженым, а Дора вдруг почувствовала симпатию к этой женщине, изо всех сил старающейся выглядеть грозной и опасной. Нет, Вероника не притворялась. Просто не позволяла себя обижать.

– Куда мы дальше? – на всякий случай уточнила Дорофея.

– В лабораторию вас везти рано. Не готовы. – Ника взяла ложечку и принялась ковырять быстро тающие разноцветные шарики. – Зато вы неплохая приманка. Если вас захотят перехватить или похитить, действовать будут в первые три-четыре дня. Дальше вы сами от меня не уйдете – привяжетесь.

– Хвалитесь, – недоверчиво сощурила чайно-карие глаза Машка.

– Что ты, мухоловка, всего лишь констатирую факт. Ника наконец решилась попробовать мороженое и аккуратно отправила первую ложечку в рот.

Дора, давно расправившаяся с вкусным лакомством, изучала окрестности. Ей было интересно все – одежда, манеры посетителей. Даже странно: люди могут вот так просто сидеть за столиками, есть, общаться. В ее время в кафе обязательно будет детская площадка, танцпол, музыка из всех динамиков, экраны на каждом столике, чтобы желающие отстраниться от царящего шума могли надеть наушники и посвятить время, скажем, просмотру любимого сериала.

После пяти минут разглядывания она убедилась – нравы тут терпимые. В будущем ее давно бы оштрафовали за излишнее любопытство, намеренное нарушение личного пространства, а тут, похоже, некоторые только и ходят по людным местам – себя показать и других поразглядывать.

– Кстати, – вырвал ее из раздумий насмешливый голос наставницы, – Мария Иванова номер два, не жмет выращенный костюмчик? Ручки-ножки сразу слушаются?

– В первый день было тяжело, – призналась Дорофея. – Сейчас не ощущаю разницы.

Действительно, тело прижилось, как приживается в цветочном горшке росток, украденный с молчаливого согласия хозяев. Пересаженное сознание распрямилось, равномерно растеклось по мышцам и венам, точно всегда проживало в своем искусственно взращенном обиталище. Дорофея даже удивленно отметила – она никогда ранее не ощущала себя более реальной и живой.

– Сильно отличается внешне? – продолжала расспросы Ника.

– Волосы были короче и вычерненные, – созналась она, ловя удивленный Махин взгляд. – Что я такого сказала? – на всякий случай уточнила она.

– Тебя разве тоже Машей звали? – поразилась наивная аборигенка.

– По ID, то есть по идентификационному документу, Марией Леонидовной Ивановой. В макросети я поименована Дорофеей, Дорой. Этот ник официальный и тоже занесен в ID вместе с базовой аватарой, в которой я присутствую на официальных мероприятиях.

Местная Машка задумалась, переваривая информацию. А Ника последней расправилась с мороженым и сообщила:

– Поедем кататься по городу. У нас сегодня выходной. Дора быстро потянулась к стакану с лимонадом: нехорошо оставлять такую вкуснятину без внимания. Уже допивая, она краем глаза рассмотрела, как в кафе вошел тот самый белобрысый юноша.

– Я на минутку, – решилась Дора, провожая взглядом вошедшего.

И прежде чем Ника что-либо ответила, девушка выпорхнула из-за стола.

Парень ждал ее возле зеркала у туалетной комнаты, нервно теребил ворот светлой клетчатой рубашки. Убедившись, что Ника не последовала за воспитанницей, он широко улыбнулся и представился:

– Я Ланс. Ты Дорофея?

– Дора. А что? – готовая в любой момент сбежать, поинтересовалась она.

– Нам нужно пообщаться. Не здесь и не сейчас. Главное, не под присмотром у Шила.

– У кого? – не поняла девушка, вслушиваясь в его голос, разглядывая щуплую высокую фигуру. Парень как парень. Но что-то с ним не так. Причем, так же «не так», как и с Никой. Жесткий взгляд, пробирающий до самых темных закоулков души, движения обманчиво мягкие, уверенность в себе, которой бы хватило на целый полк Наполеонов. Оба – и Ника, и Ланс – казались Доре странными, не от мира сего. И это интриговало, привязывало к ним сильнее многих совместно прожитых лет.

– Шило – прозвище Вероники Ильиной, – охотно пояснил юноша. – Осторожно с ней, она хищница. И к клонам беспощадна.

– Заботливый ты, я смотрю.

Дора скрестила руки на груди. Нет, однозначно, парень ей нравился. На лицо приятный. Глаза серые, задумчивые, умные.

«Гораздо красивее Борьки, – пришла к выводу девушка, но поспешила одернуть себя: – Ты тут временно, не заглядывайся!»

– Я мигрант из разделенных, – заявил без тени смущения Ланс, прислушиваясь к звяканью посуды и негромким разговорам посетителей. – Я подселенец, оставшийся в местном теле. Мой двойник погиб при разделении по вине этой… – Он неприязненно кивнул в сторону зала, где дожидалась девушку Вероника. – Она работала со мной. Методы у нее… – Он не договорил, только красноречиво поморщился.

– Я-а-асно, – протянула Дора, скопировав выражение его мордашки. Обиженный, значит.

– Иди, не заставляй ее ждать, – напрягся парень. – Я тебя найду. Держи адрес и пароль от электронной почты. На этот ящик я буду тебе писать. – Он запихнул в руку Доры скомканный листочек. Девушка поморщилась, ощутив прикосновение холодных пальцев. – Только не с ее компьютеров. Пойми, ты очень многого не знаешь.

– Непременно, – легко согласилась Дорофея, машинально потирая мигом закоченевшую ладонь. Сердце возмущенно застучало о ребра, с каждым мгновением наращивая темп. «Беги от него», – твердил здравый смысл. – Пока, Ланс.

– Погоди, – удержал он ее за плечо. – Намочи лицо и руки, чтобы не вызвать подозрений.

– Хорошо, – легко согласилась она. – Смотрю, здесь интересней и интересней с каждой минутой.

Дора помахала ему на прощание и направилась к столику, ощущая, как по плечу резво разбегаются мурашки. А юноша застыл в замешательстве.

«Она? Не она? – крутилось в его голове, мучило, сводило болью спину и скулы. – Только бы не она! Слишком юная, наивная. Но та тварь тоже не казалась опасной, пока…»

Вспоминать было невыносимо. Даже не от боли потери, а от собственного бессилия в те дни, когда он лишился самых близких людей, и сейчас, когда на шаг приблизился к возмездию.

18 июня. Барск. Здание Комиссии

В Зале Бесед собралась разношерстная компания: трое членов Комиссии и полноватый брюнет лет тридцати в дорогом костюме-тройке. Ни его расслабленная поза, ни мечтательный взгляд глубоко посаженных глаз не вводили в заблуждение. Главный здесь именно он, а не мэр Барска, деловито перебирающий фотографии Марии Ивановой и ее клона.

– Считаешь, они нам помогут? – нервно теребя в пальцах карандаш, спросил Анатолий Гончаров. – Пока еще у них способности проявятся…

Своего собеседника он презирал, и брезгливого отношения не скрывал. Как вообще можно уважать человека, примеряющего человеческие жизни, точно обноски в комиссионке? Зато надеялся с его помощью преуспеть, разжиться чинами и наградами.

– Я же говорил, способности не главное, – спокойно ответил брюнет, подавив зевок.

Он не любил мрачные помещения, а в этом зале было слишком много черной краски, несмотря на всю иллюминацию. Черный стол с сияющей звездой, черный потолок и стены в сине-зелено-красных лампах и светящихся трубках. Обстановка навевала на брюнета неприятные воспоминания о годах страха, о занятии, которое даже сейчас большинство обывателей готово поднять на смех. Но именно благодаря тому занятию он сейчас сидит здесь – живой и невредимый.

– Куда они денутся. – Он потянулся, сверкнув дорогими часами на запястье. – Разве что при клонировании что-нибудь напутали. Но ваше Шило не из тех, кто ошибается.

– Четыре смерти в Центре клонирования за последний год – это не ошибки? – искренне возмутилась Инга Чащина, забирая у мэра половину фотографий.

– Не с участием Ильиной, – похвастался осведомленностью Гончаров. – Ее ассистенты накосячили. Дорофеей занимается исключительно Ника. Ее бы в

нашу команду, – мечтательно вздохнул он.

– Тогда ноги моей здесь не будет! – наморщила носик Инга. – Она не выделила мне ни единого сенса, всячески стремилась отнять федеральное финансирование! И она, и ее бывший!

– Отнять финансирование? – не смог удержаться математик. – Все деньги и так зарывают в ваше кладбище. Смотри-ка, они городские развалины откопали, ценность великую!

– Тихо! – шикнул на них брюнет. – Древний город тоже важен… был. – Он подпер щеку кулаком и обратился к математику: – Толик, я бы сам позвал Нику к нам, но за ней стоит не только Кощей, но и силы гораздо более могущественные. Им тоже необходима установка ретросдвига. И девочки очень нужны. Поэтому Ильина приложит все силы, чтобы защитить Машу и ее клона.

– За чем дело стало? Ты ее одним взглядом прихлопнешь, – польстила брюнету Инга.

– Шило сильнее меня. Сойтись с ней в открытом поединке я бы не рискнул, – покачал тот головой.

– И не надо, – заерзал в кресле до сих пор молчавший мэр. – Когда наступит время, заберем девчонок, никого не спрашивая.

– Это единственный выход, – согласился брюнет, поднимаясь с кресла. – Толик, перешлешь мне расчеты. Инга, когда Олег вернется?

– Завтра на закате, – ответила Чащина, обмахиваясь фотографиями словно веером.

– Прекрасно, тогда и начнем действовать. А сегодня вечером я посоветуюсь со своим другом, согласую время запуска установки.

Он кивнул и вышел из зала, оставив троицу грезить о будущем. Никого из них он не планировал держать при себе в дальнейшем. Разве что эту амбициозную археологиню, собирательницу сказок и песен. Племянница как-никак. И брат у

нее талантливый техник. Должен же кто-то заниматься обслуживанием установки ретросдвига. Нервы у парня крепкие, разводить жалость к девчонкам не будет.

18—19 июня. Барск. Окрестности озера Бездонное. Дорофея

Еще не дойдя до столика, Дорофея поняла – что-то случилось. Ника выглядела собранной и встревоженной, Маша растерянной. – Выходной пока отменяется. В лаборатории нежданные гости, заедем туда, – уже на ходу заявила Вероника, ведя девушек к такси.

Дора молча кивнула. Ее повезут в Центр клонирования, туда, где вырастили ее тело. Где наверняка разделяли Ланса и его двойника. Интересно узнать, где выращивают таких, как она.

Всю дорогу Ника не умолкая рассказывала девочкам о своей замечательной работе. Оказывается, лабораториями здесь именовали практически все научные учреждения. Эти учреждения носили закрытый характер и требовали от своих работников сохранности информации обо всем, что творилось в их стенах.

– Мои родители тоже обязаны хранить молчание? – вдруг уточнила Маша.

– Естественно. Если их допустят до секретных работ, они попадут под мое командование, будут заниматься клонированием, а тут мы далеко не впереди планеты всей, – равнодушно пожала плечами Ника. – Кстати, выгружайтесь. Приехали.

Лаборатория располагалась в относительно невысоком – этажей этак тридцать пять – бочкообразном небоскребе, окруженная колоннами высотой в три первых

этажа. Каждую колонну венчала статуя с изображением чудовища.

– Сколько же здесь денег зарыли на строительство? – не удержалась Дорофея. Город словно специально строили напоказ, покрасоваться перед соседями – смотрите, как мы умеем.

– Баснословно много, – легко согласилась Ника. – Иностранцев отсюда потихоньку выжили, выкачав из них все денежки, и теперь в научных учреждениях Барска развивают очень узко направленные подотрасли науки.

Начальница Центра провела девушек в здание, проигнорировав истошный писк металлоискателя на входе. Небрежно кивая в ответ на приветствия, они поднялись на прозрачном лифте (что за любовь к стеклянным кабинкам?), прошли по широким залам и светлым коридорам.

Доре этот лабораторный корпус напомнил скорее огромный супермаркет, чем научное учреждение. И обилие бегающих по коридорам детей в возрасте от четырех лет и старше усиливало впечатление.

Вот мальчишечка, от силы семилетка, мордашка серьезная, в руках вместо игрушек планшет и моток проводов.

– Вероника, – окликнул он наставницу, запихивая провода в карман желтой курточки. – Я беседовал с Якоревым и Кацем. Они разделяют мою теорию, считают – она достойна публикации и собственной серии опытов. Что скажете, голубушка? – Малыш хитро сощурил черные глазенки.

Дора чуть не прыснула, как презабавно он выглядел. Конечно, он из мигрантов, наверняка тоже клон. Но как удивительно слышать умные фразы от карапуза!

– Валяйте, Евгений Егорович. Передайте Оксане Васильевне – я даю добро, – без особого энтузиазма ответила Ника, желая поскорее отделаться от просителя. Малыш расплылся в улыбке и со всех ног помчался по коридору, мелькая белыми подошвами кроссовок.

В ответ на удивленные взгляды девочек Ника только усмехнулась и снизошла до пояснения:

– Профессору Украинову девяносто четыре года, два из которых он живет в новом теле. Его двойник благополучно пойдет этой осенью в первый класс. А этого очаровательного ребенка через год мы планируем допустить до операций. Медик он гениальный, не раз успел доказать.

– И вы так просто об этом говорите! – поразилась Машка.

– Это давно не чудо. Мы принимаем мигрантов, быстренько выясняем, чем они полезны, и приспосабливаем работать на благо новой родины.

Миновав еще один зал, Ника остановилась возле единственной двери посреди коридора, освещенного тревожным красноватым светом. Прислонилась спиной к стене, скрестила на груди руки, кого-то ожидая. Девушки тоже расслабились. Их наставница, напряженная в такси, сейчас, похоже, уверилась – она на своей территории. Ничто и никто не способен ее вывести из себя.

– Почему со мной все по-другому? – вернулась к начатому разговору Дора.

– Ты взрослая. Первая взрослая мигрантка-клон. Ты переместилась, сохранив реальный возраст, и тем уникальна, – снисходительно объяснила Ника. – Особых знаний не несешь, мы уверены. Хотя протестировать тебя не откажемся. Но есть еще кое-что, ради чего некоторые готовы биться за контроль над тобой. Об этом я скажу позже. Сейчас будь добра, нагруби павлину, по вине которого мы прервали чудесное путешествие по городу.

На красивом лице Ники промелькнула брезгливая неприязнь. Доре даже стало интересно, к кому можно так относиться. А наставница продолжала:

– Учтите, мухоловки, как бы вам Бронька ни понравился, он очень гадкий человек.

– Тогда зачем… – начала Маша, но Вероника положила ей руку на плечо и показала глазами вправо.

– Какие люди пожаловали в мое скромное убежище! Соскучился, поди? – громко произнесла она за миг до того, как из-за поворота появился нарушитель их спокойствия.

Дора не спешила поворачивать голову. Ей было интересней понаблюдать за реакцией наставницы. А Маха растаяла! Глаза распахнула, лишний раз вздохнуть боится. Ника лучезарно улыбнулась, но видно было, с каким удовольствием она дала бы пинка тому, кто двигался к ним по коридору. Пожалуй, невежливо отворачиваться от гостя, на которого так забавно реагируют спутницы. Дорофея медленно обернулась. Да, достойный внимания экземпляр.

– Я пришел познакомиться с девочками, – ответил он. Баритон, конечно, не чета Бетиному, но весьма приятен.

И сам его обладатель – картинка. Высоченный (невысокая Дора не дотягивалась ему до подмышки), широкоплечий, сложен идеально, наверняка спортсмен. И до неприличия похож на Мартина Уайта – героя ее любимой игры (из-за того и любимой, игра на самом деле – гадость).

Дорофея, помнится, лет в четырнадцать мечтала о Мартине. Она месяц убила на то, чтобы взломать личный аккаунт актера, послужившего моделью для красавца-капитана звездного бомбардировщика. А взломав – горько разочаровалась. Под аватаркой скрывался плешивый беззубый каскадер, от безденежья соглашавшийся выполнять сложные трюки. Отснятый материал на студии отцифровывали, приукрашивали, и вот она – очередная жвачка для прыщавых подростков. С тех пор Дора не раз убеждалась на собственном горьком опыте – чем красивее аватарка, тем непрезентабельней выглядит ее носитель в реале.

Сейчас она тоже воспринимала возвышающегося над ней брюнета как аватарку. Спасибо Мартину Уайту и мгновенно надоевшей игре.

– Знакомься, – подавив зевок, неторопливо произнесла Ника. – Это Маша, а это Дора. А может, наоборот, я не вникала. – Она небрежно махнула рукой в сторону девушек. – А это, как бы вам сказать помягче, девочки, светило науки в нашей песочнице. Не проходите мимо, не поклонившись в ножки, обидится.

– Молчала бы, Шило. – Мужчина отвернулся от Вероники и дружелюбно протянул руку девушкам. – Я Бронислав Соловьев. Преподаю физику в местном университете. Занимаюсь исследованием волновых теорий. Хотя вам это не интересно. Согласно плану Комиссии, на следующей неделе нас ждет

погружение в озеро Бездонное. Я со дня на день приготовлю батискаф.

Дора вопросительно посмотрела на Нику: мол, что это за аттракцион? Но наставница с повышенным интересом изучала висящую на стене схему эвакуации при пожаре и ничем помочь не могла.

– Если это входит в мою экскурсионную программу я не против, – осторожно согласилась Дора. – При одном условии.

– Каком? – повеселел господин Соловьев.

– Вы объясните, при чем здесь я? И что здесь у вас вообще происходит?

– О, Вероника, как у тебя все запущено! – не удержался от ответного укола красавец.

Дорофея поняла, что не может предать единственную вменяемую сообщницу, ибо Маха хлопала ресницами, почти влюбленная в местную версию Мартина Уайта.

«Надо спасать дурочку, а то глупостей наделает», – поставила Дора себе цель на будущее.

– История Ники довольно забавна, – как можно небрежней заметила Дорофея. – Мне бы хотелось собрать побольше вариантов правды. Для коллекции, так сказать.

«Давай, Машуха, реагируй на окружающее». – Мигрантка из будущего ухватила Машу под руку и потянула за собой, медленно отступая в сторону наставницы.

– Когда почистите и изжарите ваш батискаф, сообщите Нике. Может, придем попробовать, – выдала она, дергая свою безвольную копию.

Вероника облегченно вздохнула, лучезарно пожелала господину Соловьеву успехов «в достижении всегородской славы к концу жизни» и повела девушек дальше. Только сейчас у Машки появилась хоть какая-то осмысленность во взгляде. Здорово ее красавчик зацепил! Зато Вероника забавлялась:

– Почему ты посоветовала ему почистить и пожарить батискаф?

– Ну, не знаю, – растерялась вопросу Дора, уже понимая – ляпнула глупость. – Он же сказал, что его нужно готовить. Я думала, это какое-то блюдо… – окончательно смутилась она.

Ника расхохоталась, и даже Машка прыснула в кулак, вот действительно мухоловка. Как Мартина или как его там, Бронислава, углядела – так тихоня тихоней, а как над собственным клоном похохотать – так первая!

– И все-таки, Ника, – не отступала Дорофея, решив для себя, что с батискафом она разберется позже, – я хочу видеть всю картину происходящего. Для чего я вам? Что у вас творится?

– Хо-ро-шо, – медленно ответила Вероника Ильина. – Я готова раскрыть часть карт. Но обещайте: пока на эту тему не распространяться даже родителям. Им в первую очередь. Пойдемте в конференц-зал.

Они снова ехали на лифте, на этот раз вниз. Перед ними распахивались металлические и стеклянные двери. Много-много дверей. Дора давно потеряла ориентацию в лабиринтах, но молчала. Машка, та вообще изнылась: туфли ей натерли пятку, и давно пора зарулить куда-нибудь в столовую. Не вышло. Ника завела девушек в зал с двумя длинными столами перед стеной-экраном. Сквозь защищенные ажурной металлической решеткой окна лился полуденный свет – бледный, ибо солнце угодило в тонкую, прочную сеть облаков.

– Садитесь поближе. – Ника бесцеремонно взгромоздилась на столешницу, скинула босоножки и поставила ноги на стул. – Не стесняйтесь. Главная здесь я, потому все можно, я разрешаю.

«Обнадеживает, однако», – не спешила радоваться Дора. Она уселась рядом с Машкой.

– Для начала я расскажу вам мою историю и историю Бронислава Соловьева. Она связана с историей города, так получилось.

Ника помассировала запястье с браслетом, прикрыла глаза и заговорила – тихо, четко, словно вспоминая некогда зазубренный наизусть текст. Рассказ получился долгим.

Все началось девять с половиной лет назад, когда бывшая студентка отделения психологии провинциального пединститута выскочила замуж за аспиранта-физика, ну о-очень умного молодого человека по имени Бронислав. Вероника, тайно вздыхавшая о молоденьком преподавателе все годы обучения, к концу пятого курса сумела добиться взаимности.

Парень казался домашним, внимательным, начитанным. Поначалу он даже поддерживал желание молодой супруги набраться опыта в работе со школьниками, со временем открыть собственную психологическую практику, благо, мода на личного психолога добралась до состоятельных людей в провинции.

Но судьба написала своим героям иной сценарий, и Бронислав вслед за научным руководителем сорвался в далекий город Барск, возводимый на месте богом забытого поселка. В тот же год молодой ученый успешно защитил кандидатскую диссертацию, стараниями руководителя выбился в люди. А еще через три года, получив научное звание при кафедре только что организованного института, подгреб под себя эту кафедру, защитил докторскую.

А Нику после непродолжительной работы психологом в детском садике пригласили в закрытую лабораторию по исследованию клонов. Броня утверждал, что случилось это благодаря его заботе, но Вероника до сих пор сомневалась в заслугах бывшего супруга. Тем не менее она исправно собирала информацию для мужа, копалась в секретных документах, к которым получила полный доступ. И узнала о городе тако-ое…

Оказывается, старичок-профессор в свободное от работы время изучал природу метеоритов и слыл в научных кругах весьма авторитетным человеком. Именно благодаря этому увлечению он оказался в Барске, утянув за собой аспиранта с семьей.

При чем здесь Барск? В пятидесятые – шестидесятые годы на Землю-56 упали несколько необычных по своим свойствам метеоритов. В местах их падения начинала твориться всякая чертовщина – то эпидемия неведомой хвори

вспыхнет, то число самоубийств и преступлений подскочит, то вовсе жителям летающие тарелки начинают мерещиться. После тщательного изучения осколков небесных камней ученые в один голос твердили – самовнушение, но легенды и страшные слухи множились, давая пищу для буйной фантазии писателей и журналистов.

Один из таких «подарков» небес шлепнулся рядом с дачным поселком Васильки, где летом отдыхали деятели культуры со всей области. Поэтов-художников немедленно выселили, приволокли тяжелую технику – хитрый метеорит, словно издеваясь, зарылся глубоко в сыпучую почву. Пока собирали обломки, просеяли тонны песка, наткнулись на древнее городище, по заверениям историков в этих местах невозможное.

Неожиданная находка привлекла новых ученых и высокое начальство, достигла ушей прессы. Пришлось пригласить военных и оцепить местность.

Работы шли медленно, задерживаемые непрерывными ливнями. Почву размыло, тяжелая техника увязала в месиве грязи. Мелкие оползни с оголившихся холмов за ночь уничтожали все результаты дневного труда. Но столичное начальство торопило. Люди злились, копали усердней, не в силах добраться до словно издевающегося над рабочими куска космического железа.

И вот однажды случилось ужасное – почва просела, ушла из-под колес экскаваторов. И техника вместе с людьми ухнула в бездну. Удержавшиеся на краю, по счастливой случайности не попавшие под обвал, увидели плещущееся у своих ног подземное озеро, поглотившее вместе с людьми и развалинами древнего города остатки метеоритной породы.

На этом история могла бы закончиться. Вода, судя по пробам, была чистейшей, к тому же проточной – через озеро протекал подземный ручей. Но про поселок Васильки не забыли. Не позволило то же небо.

Приблизившаяся к земле комета растревожила метеорит, и озеро начало «фонить». В допустимых пределах, но ощутимо. Во всем районе подскочил радиационный фон, возросло электромагнитное излучение, над местностью участились грозы, у людей случались видения.

Эта чертовщина не могла остаться без внимания, и власти постановили изучить Бездонное озеро. Его расширили, берега укрепили. Постепенно вокруг начал вырастать новый поселок, в честь тогдашнего исследователя Геннадия Барсова поименованный Барском.

– Вы пролетали над жилым массивом старой постройки, – напомнила девочкам Ника, – эта часть города была возведена в шестидесятые – семидесятые годы прошлого века.

С возрождением интереса к истории в конце восьмидесятых сюда нагрянули одна за другой археологические экспедиции в надежде отыскать остатки города. Именно археологи не позволили властям забыть об этом месте. И еще задолго до официального появления города Барска на картах сюда стянули строительную технику и начали возводить лаборатории и заводы, строить институт.

– А ты, Ника? – напомнила Дора. – Ты же начинала рассказывать о себе.

– Я трудилась в лаборатории по клонированию, изучала различия в умственных способностях обычных людей и их клонов. Пока меня не привлекли к проекту «Пилигрим». Тогда ученые только учились разделять двоедушных – местных жителей и мигрантов. Озеро помогало. В миг вторжения сюда чужаков оно выпускало мощный импульс излучения. Импульс, точно указывающий на нужного нам человека. Именно потому власти были столь внимательны к этому захолустью, расположенному вдали от развитых городов. В Барск потекли бешеные деньги не только из российской казны. Проект умудрились сделать международным. В первые годы в опытах участвовали китайские, израильские и американские ученые, потом иностранцев потихонечку вытеснили.

– Но при чем здесь я? – продолжала допытываться Дора.

Ника открыла глаза, внимательно посмотрела в лицо клона и честно призналась:

– На тебя, Дорофея, оно отреагировало даже сильнее, чем на появление кометы два года назад.

– Забавно, – фыркнула девушка. – Почему?

– Это предстоит выяснить. – Ника покачала ногой стул. – Мой бывший от вас не отстанет, пока не проверит свои безумные гипотезы. На самом деле он хороший ученый, хоть и плохой человек. Бронислав считает женщин дурнее муравьиной личинки. Шпионов развел повсюду. Мнительный, мстительный. – Она поморщилась, вспоминая прошлые обиды. – Я не из ревности, как вы можете подумать. Просто предупреждаю.

Ника накрутила рыжую прядь на палец, посмотрела в окно и решительно спрыгнула со стола.

– Это больше, чем я собиралась сказать, – объявила она.

– Я так не играю, – возмутилась Дорофея. Она любила определенность во всем. – Рассказывайте все.

– Не могу. Не тот момент. Может, он настанет завтра, может, вообще никогда. От вас зависит, – отрезала наставница.

– Что нам делать, чтобы получить всю информацию?

Дора начала сердиться. Мысленно она уже предприняла несколько попыток связаться с отсутствующей здесь макросетью и отправить программку-спамер на личный аккаунт Ники. Что поделать, привычка, от нее в этом отсталом мире пока не избавиться.

– Промолчу, иначе нарушу эксперимент и наврежу вам, – честно ответила Вероника, подбирая со стула сумочку. – Пойдемте.

– Кто вам позволил нами распоряжаться? – возмутилась Маша, соскакивая со стола и впиваясь глазами в глаза наставницы. – Мы люди свободные и имеем право на информацию!

– Девочка моя, никто в этом мире такого права не имеет уже давно. Если вообще когда-то имел.

Казалось, женщина ничуть не рассердилась на попытку бунта. Она спокойно выдержала взгляд Ивановой. Дора даже залюбовалась ими – почти одного роста

(Ника чуть выше), готовые к нападению и обороне. Их бы на ринг…

– Мы себя обычными людьми называем с натяжкой, – выиграв «гляделки», продолжала Вероника. – Вам это Броня расскажет при погружении в озеро, не сомневаюсь. У него теория припасена – закачаетесь. Соловьев не смолчит о том, о чем молчат даже ваши родители в силу своей работы. Все, на сегодня довольно откровений. Экскурсия продолжается. Марш в машину, пора осматривать город!

Больше из Ники не вытянули ни слова, как ни пытались. Но и полученную информацию следовало обдумать и «переварить». Чем девушки и занимались всю дорогу.

Город их очаровал. Ника в качестве экскурсовода утомила и вымотала, заставив подниматься на смотровые площадки небоскребов в разных частях Барска. Так что к десяти часам вечера девчонки едва стояли на ногах и были безмерно счастливы оказаться в своих комнатах и завалиться спать.

Уже проваливаясь в сон, Дорофея вспомнила, что так и не связалась с Лансом через Машкин компьютер.

Вначале ей снились кошки – белые, призрачные, наглые. Они заглядывали в окна сорокового этажа и предостерегающе мяукали. С каждым «мявом» из их пастей вылетали крошечные луны и начинали вращаться над Дориной постелью. «Смотри, – беззвучно укоряли кошки, – желтые шарики – это чьи-то жизни, похищенные мигрантами».

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/laricheva_dorofeya/iskry-i-zerkala

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить